

С. И. ГРОУВ

Стеклоянная карта

*Одна из лучших книг 2014 года
по версии сайта «Amazon»*

Annotation

Давно, почти век назад, на нашу Землю пришла беда. Прервалась связь времен, вселенская катастрофа расколола время на части, карта мира переменилась, и с той поры разные части света живут каждая в своем времени.

Родители Софии – путешественники, они пролагают пути между разделившимися эпохами. Но однажды след их теряется, они пропадают без вести. А вскоре неизвестные похищают Шадрака, знаменитого бостонского ученого, родного дядю Софии. И девочка вместе с другом отправляется на его поиски. Помощницей служит ей стеклянная карта, магический инструмент, позволяющий находить дорогу в разобленном времени и пространстве. София еще не знает, что за картой ведет охоту существо нечеловеческой крови, а слуги его, големы, не ведают ни жалости, ни пощады...

Автор перевода романа – Мария Семёнова, создательница знаменитого сериала о Волкодаве и других известнейших книг в историко-фэнтезийном жанре.

С. И. Гроув

Стекло́нная карта

S. E. Grove
THE GLASS SENTENCE
Copyright © 2014 by S. E. Grove
Maps by Dave A. Stevenson
All rights reserved

© М. Семёнова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моим родителям и брату

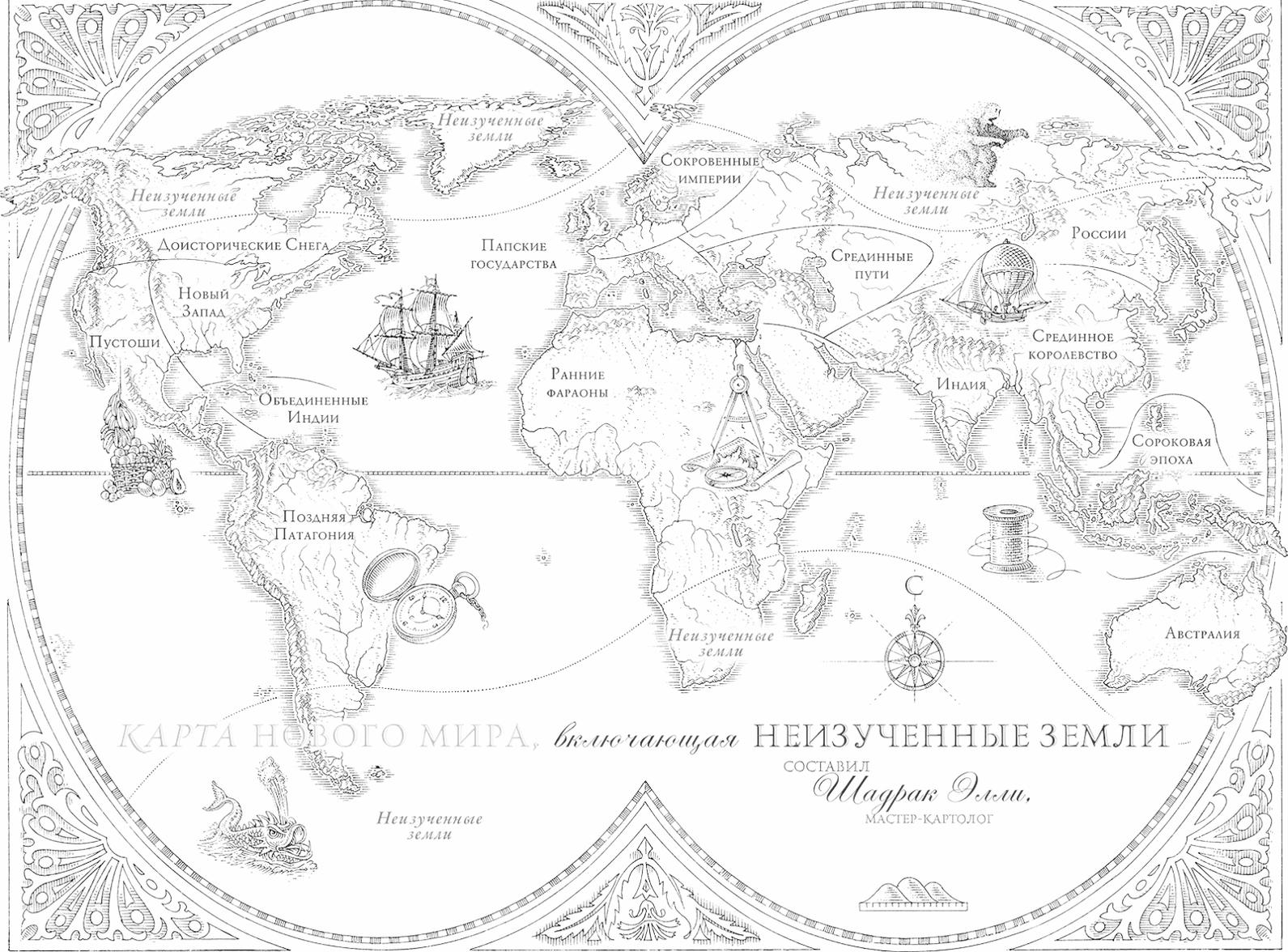
...Человек, лишенный героической души, не может быть ученым. Преамбула мысли, условие, при котором осуществляется переход ее от неосознанного к осознанному, – действие. Я знаю ровно столько, сколько я жил. И мы немедленно отличаем слова, заряженные жизнью, от слов, ее лишенных.

Мир – эта тень души или второе я – широко простерся вокруг нас. Его привлекательные стороны подобны ключам, отмыкающим мои мысли и дающим мне узнать самого себя.

Я с радостью отдаюсь этой полной звуков суете.

Ральф Уолдо Эмерсон. Американский ученый. 1837 год.

(Перевод А. М. Зверева)

КАРТА НОВОГО МИРА, включающая НЕИЗУЧЕННЫЕ ЗЕМЛИ

СОСТАВИЛ
Шадрок Д.м.и.
МАСТЕР-КАРТОЛОГ

Новый Запад

и ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ ЭПОХИ

СОСТАВИЛ

Шадрин Э.М.

МАСТЕР-КАРТОЛОГ

Пустоши

и ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НИМ ЭПОХИ

СОСТАВИЛ
Шафран Оли,
МАСТЕР-КАРТОЛОГ

«Это случилось очень давно... Я тогда совсем ребенком была. В то время к окраинам Бостона вплотную подступали возделанные поля, так что летом я от темна до темна резвилась на воле с друзьями и возвращалась домой лишь на закате. Помнится, мы спасались от зноя, купаясь в Буновом ручье, там, где быстрый поток вливался в глубокий пруд.

Шестнадцатого июля тысяча семьсот девяносто девятого года царил особенная жара. Так случилось, что все мои приятели явились на пруд раньше меня. Подбегая к берегу, я слышала их веселые крики. Когда они увидели меня на верху обрыва, откуда особенно удобно было нырять, они принялись дружно подначивать: „Давай, Лиззи! Давай к нам!..“

Я быстренько разделась, на мне осталось лишь льняное белье. Хорошенько разбежалась – и прыгнула.

Знать бы мне, что приземляться придется уже в другом мире...

Я обнаружила, что зависла над поверхностью пруда. Замерла в воздухе, поджав колени и обхватив их руками, смотрела на воду и берег, но не могла пошевелиться. Так чувствуешь себя, когда пытаешься проснуться, преодолеть сон. Хочешь очнуться – а глаза не открываются и не повинуются ни руки, ни ноги. Лишь разум подает голос, приказывая: „Вставай, вставай!“ Примерно так случилось и со мной, только вместо никак не отпускавшего меня сновидения был весь окружающий мир.

Все как-то странно притихло. Я даже биения собственного сердца не слышала. Тем не менее я знала, что время не прекратило свой ход. Наоборот, оно вдруг понеслось необыкновенно быстро. Мои друзья застыли на месте, лишь вода текла и крутилась вокруг них с пугающей скоростью.

А потом я увидела, что начало происходить на берегах ручья.

Трава принялась расти прямо у меня на глазах. Она росла и росла, пока не стала совсем высокой, как под конец лета. Потом зелень увяла и побурела, а листья на прибрежных деревьях окрасились желтым, оранжевым, красным. И наконец утратили цвет и вовсе опали. Кругом разливался тускло-серый свет, определенно не ночной, но и не дневной. Он стал меркнуть, когда листва закружилась в воздухе. Поле, насколько хватало глаз, сделалось бурым с блестками серебра, чтобы мгновением позже превратиться в заснеженную равнину. Ручей подо мной замедлил течение и подернулся ледком. Снег то собирался высокими сугробами, то опадал, как бывает по ходу долгой зимы. Потом он отступил, освобождая нагие ветви и землю, тоже голую и коричневую. Лед на ручье раскололся и постепенно исчез, в русле вновь быстро побежала вода. За береговой линией земля стала нежно-зеленой: сквозь нее пробивались молоденькие ростки. Деревья окутала изумрудная кисея. Очень скоро листья налились спелой зеленью лета, трава начала вытягиваться в рост...

Все это заняло считанные мгновения, но чувство, будто я прожила целый год отдельно от привычного мира, не покидало меня.

А потом я вдруг упала. Я свалилась в Бунов ручей, и способность слышать все

звуки вернулась ко мне. Журчали и плескались струи... а мы с приятелями взирали друг на дружку в немом недоумении. Все мы видели одно и то же. Но никто не понимал, что случилось...

В последующие дни, недели и месяцы жители Бостона все чаще и чаще сталкивались с невероятными последствиями того происшествия, хотя ни о каком понимании и речи быть не могло. Просто из Англии и Франции почему-то перестали прибывать корабли. Позже начали возвращаться моряки, покинувшие Бостон уже после памятного события. Напуганные, потрясенные, они рассказывали о древних гаванях, о чуме... Торговцы, ездившие на север, принесли вести о бесплодных, заснеженных землях. По их словам, там невозможно было найти признаков человеческого жилья, зато появились невиданные звери, известные нам лишь по смутным преданиям. Те, кто сбывал свой товар на юге, распускали и вовсе немыслимые слухи. О величественных городах, построенных сплошь из стекла, о набегах конников и опять-таки о бесчисленных диковинных животных.

Стало ясно, что в то ужасное мгновение мир рассыпался на части, более не связанные общим течением времени. Обломки, кувыркаясь, куда-то неслись сами по себе, заброшенные в разные эпохи. То есть в пространстве они по-прежнему граничили друг с другом, но время воздвигло между ними неодолимые преграды. Теперь никто не знал ни истинного возраста вселенной, ни того, в каком столетии была спровоцирована катастрофа. Известный нам мир оказался расколот; его место занял совершенно другой, новый и незнакомый.

Мы назвали случившееся Великим Разделением».

(Из письма Элизабет Элли внуку Шадраку. 1860)

1. Завершение эпохи

14 июня 1891 года, 7 часов 51 минута

Новый Запад начал свой эксперимент с выборным представительством на волне больших надежд и немалого оптимизма. Однако вскоре все омрачилось взяточничеством и насилием, и стало ясно: система не работает. В 1823 году состоятельный представитель Бостона выдвинул радикальный план. Он предложил передать управление Новым Западом единому парламенту, обязав при этом всякого желающего высказаться в этом парламенте свое мнение заплатить вступительный взнос. Данный проект был принят на ура – естественно, теми, кто мог себе позволить подобное, – и объявлен величайшей демократической инициативой со времен Революции. Так была заложена основа современной практики, предполагающей посекундную продажу времени выступления в парламенте.

Шадрак Элли. История Нового Запада

День, когда Новый Запад закрыл свои границы, выдался самым жарким в году. Именно тогда София Тимс навсегда изменила свою жизнь, перестав следить за временем.

Впрочем, в начале того знаменательного дня она не сводила глаз со стрелки часов. В здании бостонской палаты представителей, как раз над местом спикера, висел громадный золотой циферблат с двадцатью делениями. Когда пробило восемь, зал уже был набит битком. На скамьях, подковой огибающих возвышение, сидели парламентарии: восемьдесят восемь мужчин и две женщины, достаточно состоятельные, чтобы обеспечить себе эти места. Напротив расположились посетители, заплатившие за время обращения к парламенту, а подальше – члены общества, которые сумели купить право присутствия в партере. На высоком балконе, где было дешевле всего, Софию с обеих сторон теснили мужчины и женщины. Солнечный свет вливался сквозь высокие окна, сверкая на позолоте изогнутых балконных перил.

– Ну и духовка, – вздохнула дама, сидевшая рядом с Софией. Она обмахивалась шляпкой, над верхней губой каплями выступил пот, поплиновое платье смялось и стало влажным. – Бьюсь об заклад, в партере на добрых пять градусов прохладнее!

София нервно улыбнулась в ответ и ерзнула башмачками по деревянному полу.

– Там, внизу, мой дядя, – сказала она. – Он будет выступать!

– В самом деле? А где он? – заинтересовалась соседка, положила на перила пухлую руку и стала смотреть вниз.

София указала ей на мужчину с темно-русыми волосами: он сидел выпрямив спину и скрестив на груди руки. На нем был льняной костюм, на колене лежала тонкая книжка в кожаной обложке. Темные глаза спокойно изучали переполненный зал. Рядом с ним откинулся на спинку скамьи его друг, состоятельный исследователь Майлз Каунтримен, покрасневший от жары, с шапкой белых волос, слипшихся от пота. Он вытирал лицо

НОСОВЫМ ПЛАТКОМ.

– Вон там, – сказала София. – Прямо против спикеров.

– Где? – прищурилась дама. – Ух ты, да здесь сам Шадрак Элли, как я посмотрю!

София с гордостью улыбнулась:

– Так это он и есть. Мой дядя Шадрак!

Женщина изумленно уставилась на нее и даже перестала обмахиваться.

– Ну надо же! Племянница великого картографа!.. – Она была явно под впечатлением. –

Как же тебя зовут, милочка?

– София.

– Так почему же, София, твой знаменитый дядя не купил тебе местечка получше?

Неужели все деньги на свое время потратил?

– Что вы, Шадрак не может позволить себе время в парламенте, – отмахнулась София. –

Все оплатил Майлз: четыре минуты и тринадцать секунд!

Пока она говорила, началась парламентская процедура. Двое хронометристов, расположившихся по обе стороны возвышения, каждый – с секундомером в обтянутой белой перчаткой руке, вызвали первого оратора, некоего мистера Руперта Миддлса. Вышел плотный мужчина с длинными ухоженными усами. Он поправил горчичного цвета галстук, толстыми пальцами разгладил усы, прокашлялся... У Софии округлились глаза: левый хронометрист выставил часы на двадцать семь минут.

– Ты только посмотри! – прошептала толстушка. – Целое состояние небось вывалил!

София кивнула. Внутри у нее все напряглось, когда Руперт Миддлс открыл рот и начал свою двадцатисемиминутную речь.

– Мне оказана высокая честь, – заговорил он громовым голосом, – выступить перед этим парламентом сегодня, четырнадцатого июня тысяча восемьсот девяносто первого года, дабы огласить план по улучшению положения нашего горячо любимого Нового Запада. – Он набрал полную грудь воздуха. – Пираты Объединенных Индий, орды грабителей из Пустошей, постоянные вторжения на наши территории с севера, запада и юга... Долго ли еще Новый Запад намерен игнорировать реалии измененного мира, между тем как алчные чужаки буквально вгрызаются в наши владения? – Публика загудела, послышались одобрительные возгласы, но Миддлс продолжал почти без паузы: – За один прошлый год целых четырнадцать городов Нового Акана были захвачены выходцами из Пустошей. Эти люди не желают платить за привилегии жизни на Новом Западе, однако в полной мере наслаждаются ими! За тот же период пираты взяли на abordаж тридцать шесть торговых кораблей с грузами, отправленными из Объединенных Индий. Думаю, излишне напоминать вам, что не далее как на прошлой неделе «Шквал», доброе бостонское судно, перевозившее тысячи долларов наличностью и товарами, было атаковано Альбатросом, презренным бандитом, чье логово... – Миддлс побагровел, форсируя голос, – расположено едва ли не в миле от Бостонской гавани!

Слушатели встретили эту фразу гневными восклицаниями. Миддлс торопливо перевел дух и продолжил:

– Подобно всем бостонцам, я человек терпимый...

Возгласы стали громче.

– И меня глубоко ранит, что мои терпимость и усердие столь жестоко осмеиваются хитрыми и жадными чужаками!

Аплодисменты, сочувственные выкрики...

– Я пришел сюда, чтобы изложить подробный план, названный мною Патриотическим. Уверен, он будет одобрен, ибо отстаивает интересы тех, кто, подобно мне, желает утвердить такие ценности, как трудолюбие и толерантность. – Миддлс оперся на кафедру. – В качестве первейшего и действенного средства следует закрыть наши границы! – Тут ему пришлось-таки сделать паузу, чтобы переждать оглушительные овации. – Конечно же, граждане Нового Запада, при наличии соответствующих документов, смогут свободно путешествовать в иные эпохи. Иностранцам, живущим на Новом Западе, но не имеющим гражданства, будет предоставлено несколько недель для возвращения на родину. Те, кто дерзнет остаться, будут силовым порядком депортированы четвертого июля текущего года, в день, когда мы отмечаем основание этой великой нации!

Вновь раздались приветственные крики, слушатели, охваченные энтузиазмом, вскакивали на ноги и аплодировали стоя, в то время как Миддлс продолжал свою речь.

У Софии в животе разлился холод: Руперт Миддлс перешел к штрафам и наказаниям для иностранцев, которые останутся на Новом Западе без документов, а также для граждан, решивших путешествовать без должных бумаг. Он говорил очень быстро. София разглядела ниточку пены у него на усах, а лоб его блестел от пота. Миддлс бешено жестикулировал, брызгая на кафедру слюной и не тратя времени на то, чтобы утереться. Ему рукоплескали.

Конечно же, София слышала все это и раньше. Она как-никак жила в доме крупнейшего картографа Бостона, то есть встречала великих исследователей, приходивших в его кабинет. Порой там звучали пренеприятнейшие доводы тех, кто желал положить конец Веку открытий. Однако от этого желчность Руперта Миддлса не становилась менее отвратительной, а план не казался менее ужасным. Пока истекали заключительные минуты его речи, София с растущим беспокойством прикидывала возможные последствия закрытия границ. Новый Запад утратит связи с другими эпохами, дорогих друзей и соседей вынудят уехать... а ей, Софии, придется, пожалуй, хуже, чем многим.

«У них ведь не будет требуемых документов. Они не смогут пересечь границу, и я их навсегда потеряю», – думала она с бьющимся сердцем.

Женщина, сидевшая рядом, продолжала обмахиваться и неодобрительно качала головой. Когда наконец прошло двадцать семь минут и хронометрист звучно ударил в колокол, Миддлс, пошатываясь, вернулся на свое место. Он обливался потом и тяжело переводил дух. Провожали его такой бешеной овацией, что Софии сделалось страшно. Каким образом Шадрак, имея в запасе лишь четыре минуты, собирался склонить слушателей на свою сторону?

– Фу, слюней напустил... – брезгливо прокомментировала толстушка.

– Мистер Августус Вартон! – громко объявил хронометрист.

Его коллега уже устанавливал часы на пятнадцать минут. Выкрики и хлопки постепенно прекратились: к кафедре уверенным шагом прошел высокий мужчина с седыми волосами и ястребиным носом. Никаких заметок у него с собой не было. Он встал за кафедру и стиснул ее края длинными белыми пальцами.

– Можете начинать, – сказал хронометрист.

– Я вышел сюда, – обманчиво тихо заговорил господин Вартон, – дабы прокомментировать изложенный мистером Рупертом Миддлсом проект и постараться убедить всех девяносто парламентариев, что его следует не просто принять, но и обеспечить ему развитие!

Последние слова он почти выкрикнул. Слушатели в партере парламента принялись

восторженно аплодировать. София с болью заметила, как посуровело лицо Шадрака, а взгляд вспыхнул яростью.

– Да, мы должны закрыть наши границы и, безусловно, осуществить скорейшую депортацию иноземцев, которые суть паразиты, пьющие кровь этой великой нации и ничего не дающие ей взамен. Но не только! Надо запретить гражданам Нового Запада выезжать за границу, ибо это ведет к подрыву устоев страны. Позволительно спросить: с какой стати вообще кому-либо посещать иные эпохи, пребывающие, как нам известно, на низших уровнях развития? Разве не следует истинному патриоту быть дома, разве не там его место? Я нисколько не сомневаюсь, что великие исследователи, которыми мы так гордимся, отправлялись в дальние странствия из самых лучших намерений. Они стремились к эзотерическим знаниям, которые для большинства умов непостижимы...

И он снисходительно поклонился в ту сторону, где сидели Майлз и Шадрак.

К ужасу Софии, Майлз вскочил на ноги. Из толпы зрителей послышались глумливые выкрики. Шадрак быстро поднялся, взял друга за плечо и потихоньку заставил его опуститься на место. Майлз продолжал клокотать, но все-таки сел. Вартон же снова заговорил, не подав виду, будто что-то заметил.

– Вне сомнения, эти исследователи заблуждаются, хотя и самым добросовестным образом, – произнес он под громкие возгласы одобрения. – Наши идеалисты не понимают, что столь ценимые ими знания в руках зарубежных недоброжелателей становятся предательским орудием, способным погубить наш великий народ! – (Публика взревела, выражая полное согласие.) – Следует напомнить вам о нашем великом первооткрывателе Уинстоне Хеджесе, проводившем изыскания на побережье залива. Добытые им сведения были беспощадно использованы пиратами при осаде Нового Орлеана! – Слушатели загудели, ибо память была еще очень свежа. Оратор же продолжал с явным сарказмом: – Полагаю, всем ясно как божий день, что и великолепные творения некоего картолога, почтившего своим присутствием наше сегодняшнее собрание, являют собой истинное сокровище для любого пирата, налетчика или самовластного правителя, который лелеет захватнические планы...

Столь откровенный выпад несколько огорошил аудиторию. Люди зааплодировали, но словно по инерции, не очень охотно. Шадрак сидел молча, его глаза пылали огнем, но лицо оставалось сосредоточенным и угрюмым. София трудно сглотнула.

– Как все это нехорошо, милочка, – прошептала соседка. – Он такого не заслужил...

– Подводя итог своей речи, – говорил меж тем Вартон, – я хотел бы внести поправку к проекту. Настаиваю на полном закрытии границ не только для иноземцев, но и для наших граждан. Миддлс изложил нам план действий, названный Патриотическим. Я же считаю, что предложенные меры хороши, но недостаточны! Мне представляется, что нас следует защитить не только от поползновений извне, но и, скажем так, от себя самих. Вот суть моей защитной поправки: мой дом – моя крепость! – (Хлопки, сопровождавшие эти слова, были жидковатыми, но искренними.) – Я предлагаю строго ограничить зарубежные контакты, в то же время всячески продвигая торговлю с определенными эпохами, а именно...

Он принялся перечислять, но София перестала слушать. Она смотрела только на Шадрака, отчаянно желая оказаться рядом с ним. Увы, ей оставалось лишь следить за происходившим с верхнего балкона и грустно раздумывать, что будет, если план Вартона будет принят и Век открытий, таким образом, завершится.

Шадрак заранее предупредил, что именно так может все кончиться. Он и вчера

говорил ей об этом, в пятнадцатый раз репетируя свою речь у кухонного стола, пока София делала сэндвичи. Она никак не могла поверить, что найдутся те, кто способен рассуждать столь узколобо. А теперь это оказалось реальностью – стоило посмотреть на реакцию слушателей кругом.

– Неужели никто не хочет, чтобы границы остались открытыми? – прошептала София.

– Ну конечно же, милочка, есть и такие, – доброжелательно ответила соседка. – На самом деле их даже большинство. Но где нам взять деньги, чтобы в парламенте выступать? Ты ведь, верно, заметила: те, кто хлопает, сами все в партере сидят. На очень недешевых местах!

София грустно кивнула.

Наконец-то прозвонил колокол, и Вартон, торжествуя, покинул кафедру.

– Слово предоставляется мистеру Шадраку Элли! – объявил хронометрист.

Шадрак проследовал к месту спикера, сопровождаемый вежливыми хлопками. На часах выставили четыре минуты и тринадцать секунд. Шадрак посмотрел на балкон и встретился глазами с Софией. Он похлопал по карману пиджака и улыбнулся. Девочка просияла в ответ.

– Это что такое у вас? – с любопытством спросила толстушка. – Тайный знак?

– Я ему записочку написала, – ответила София. – На удачу.

На самом деле это была не записка, а рисунок. Один из многих, что дядя и племянница оставляли друг дружке в самых неожиданных местах, – они вели своего рода переписку в картинках. На листке София изобразила придуманную ими героиню – Заводную Кору, которая стояла победительницей перед оробевшим парламентом. У нее были часы вместо верхней половины туловища, кудрявая голова, тоненькие ручки и ножки. По счастью, Шадрак выглядел куда достойнее. Темные волосы зачесаны со лба назад, крепкий подбородок высоко вскинут – было очевидно, что он уверен в себе и готов бороться.

– Можете говорить, – сказал ему хронометрист.

– Я стою перед вами, – негромко начал Шадрак, – не в качестве картолога или исследователя, но просто как житель нашего с вами Нового мира. – Он чуть помедлил, потратив две драгоценные секунды на паузу, с тем чтобы заставить аудиторию ловить каждое слово. – Есть один великий поэт, – продолжал он, не повышая голоса, – с которым, по счастью, мы знакомы благодаря его наследию. Он родился в Англии в шестнадцатом веке, до Разделения. Его стихи учат в школах, его слово зажгло свет в душах многих людей... Но из-за того, что его отчизна ныне пребывает, насколько нам известно, в двенадцатом столетии, этот человек еще не появился на свет. Может быть, он не родится вообще. В таком случае его уцелевшие книги обретут особую ценность, и тогда нам – именно нам! – выпадет честь сохранить его творчество для грядущих поколений, чтобы оно не исчезло навсегда из этого мира. Так вот... – Шадрак вновь сделал паузу и обвел глазами притихший зал, – этот великий поэт написал: «Ни один человек не является островом. Каждый – часть материка, частица целого. Если море уносит крупинку, Европа оскудевает... Смерть каждого человека уменьшает меня, ибо неразрывна моя связь с человечеством»^[1].

Мне нет нужды убеждать вас в истинности этих слов. Мы знаем из опыта: это правда. После Великого Разделения мы сами наблюдали упадок нашего мира, от которого океаны времени отрывали куски. Распалась Испанская империя, Северные территории провалились в доисторический период, Европа была целиком отброшена в далекое Средневековье, иные же части мира оказались вовсе в неведомых эпохах. И все это произошло, можно сказать, недавно – менее ста лет назад. Потери еще памятливы и свежи.

Моя бабушка по отцу Элизабет Элли – близкие называли ее Лиззи – жила как раз во время Великого Разделения и видела случившееся своими глазами. Именно ее рассказы о том дне вдохновили меня на то, чтобы стать картологом. Слушая бабушку, я каждый раз думал не об утратах Разделения, но о том, что мы можем благодаря ему приобрести... Нам понадобились годы, даже десятилетия, чтобы понять: расколовшийся мир способен исцелиться. Теперь нам доступны отдаленные эпохи, не страшны невообразимые временные барьеры... и это нас обогащает. Мы уже освоили новые технологии, соприкоснувшись со знаниями иных тысячелетий, и вышли на другой уровень понимания времени. Торговля и общение с жителями сопредельных эпох были выгодны для нас во всех смыслах. И конечно же, мы что-то давали в ответ.

Мой добрый друг Артур Уимс из «Атлас пресс», – продолжал Шадрак, показывая публике изящную книжицу в кожаном переплете, – напечатал работы Джона Донна, чтобы с ними могли ознакомиться люди за пределами нашей эпохи. И подобный обмен знаниями через века отнюдь нельзя считать завершенным, ибо Новый мир нами разведан лишь в малой его части. Вообразите же, какие дивные сокровища, имеют ли они финансовое... – тут он метнул острый взгляд на парламентариев, – научное либо литературное выражение, таятся за пределами нашей эпохи! Неужели вы в самом деле без сожаления позволите морю все это смыть?.. Друзья мои, собратья-бостонцы, ни в коем случае нельзя этого допустить! Мы терпимы, как заявляет мистер Миддлс, и действительно прилежные труженики. И о нас не скажешь «остров». Мы – часть великого целого и должны поступать соответственно!

Время на часах истекло как раз в тот момент, когда Шадрак шагнул вниз с возвышения. Хронометрист, явно тронутый его словами, с некоторым опозданием ударил в колокол, одиноко прозвеневший в тишине палаты представителей. София вскочила на ноги и громко захлопала. Слушатели, точно проснувшись, последовали ее примеру – Шадрак вернулся на свое место под настоящий гром аплодисментов. Майлз наградил его увесистым шлепком по спине. Предыдущие ораторы сидели с каменными физиономиями, однако вопли одобрения, которые неслись с галерки, свидетельствовали о том, что речь Шадрака была всеми ясно услышана.

– Он здорово говорил, правда? – спросила София.

– Чудесно! – не переставая хлопать, ответила толстуха. – А сам-то до чего хорош... – добавила она в пространство. – Я просто под впечатлением! Очень-очень надеюсь, что этого довольно. Четыре минуты – разве это время, когда каждая секунда на вес золота?

– Я знаю, – сказала София. Она глядела сверху вниз на Шадрака, совершенно забыв про жару.

Парламентарии между тем удалились в совещательную комнату для принятия решения. София посмотрела на часы, спрятала их обратно в кармашек и приготовилась к долгому ожиданию.

9 часов 27 минут: парламентарии совещаются

В воздухе густо пахло влажной шерстью и арахисом, купленным заседателями у уличных торговцев. Некоторые выходили глотнуть свежего воздуха, но вскоре возвращались. Никому не хотелось пропустить момент, когда комиссия вернется и объявит свое решение. Предполагались три возможных исхода. Парламентарии могли вовсе не прийти к соглашению, рекомендовать один из планов к доработке или немедленно принять какой-то

из них к исполнению.

София посмотрела на часы за ораторской кафедрой. Оказывается, было уже почти десять часов, то есть полдень. Она глянула вниз – проверить, пришел ли Шадрак, но в это время члены парламента начали выходить из совещательной комнаты.

– Возвращаются, – сказала она соседке.

Несколько мгновений внизу шла суета: присутствовавшие торопливо занимали покинутые места. Потом в зале настала полная тишина.

Глава палаты приблизился к возвышению, держа в руке листок бумаги. У Софии непроизвольно свело мышцы живота. Если бы парламентарии решили не предпринимать никаких решительных действий – на чем, собственно, Шадрак и настаивал, – для объявления им вряд ли понадобилась бы бумажка...

Выступающий прокашлялся.

– Члены парламента, – начал он нарочито медленно, подчеркивая тем самым, что ему-то за время выступления платить не приходится, – вынесли предложенные мероприятия на голосование. Пятьдесят один голос против тридцати девяти был подан за немедленное принятие к исполнению... – тут он снова закашлял, – Патриотического плана, выдвинутого мистером Рупертом Миддлсом...

Он говорил еще, но дальнейшего никто не услышал. Потрясенная София пыталась осмыслить случившееся. Она поправила на плече ремешок сумочки, встала и перегнулась через балконное ограждение, ища глазами Шадрара, однако его поглотила толпа. Люди вокруг выражали дружное негодование и швыряли в парламентариев что под руку попало. Вниз летели хлебные корки, стоптанные туфли, отрывки яблок... и, конечно, сыпался дождь арахисовых шкурок. Разъяренная толпа напирала с такой силой, что Софию прижали к деревянным перилам, и девочка схватилась за них, всерьез опасаясь, как бы ее не спихнули за край.

– Все вниз, все вниз! – пронзительным голосом закричал один из хронометристов.

София посмотрела в ту сторону и увидела, как мимо него цепочкой торопливо шагали парламентарии.

– Труссы! Так просто вы от нас не уйдете! – прозвучал мужской голос за спиной у Софии. – За ними!..

К ее немалому облегчению, толпа подалась назад, люди полезли через скамьи, торопясь к выходам. София огляделась в поисках своей соседки-толстушки, но той нигде не было видно.

Она еще постояла среди стихающей толчеи, прикидывая, что же теперь делать. Сердце колотилось в груди. Шадрак говорил, что придет за ней на галерку, только вряд ли теперь ему это удастся.

«Я обещала дождаться!» – твердо сказала себе София. Она силилась успокоить дрожащие руки и пыталась не обращать внимания на крики снизу. А они становились все громче. Прошла минута, другая... София то и дело поглядывала на свои часики, следя за временем. Потом ее слуха достиг отдаленный ропот, сперва невнятный. Но вот наконец люди начали четко скандировать:

– Вы-ку-рить! Вы-ку-рить! Вы-ку-рить!..

София побежала к лестнице.

На первом этаже несколько мужчин выкорчевали кафедру и с ее помощью крушили дверь совещательной комнаты.

– Выкурить их оттуда! – пронзительно кричала какая-то женщина. Она торопливо громоздила опрокинутые стулья один на другой, словно впрямь решила сложить костер.

София бросилась к главному входу, но там, похоже, столпились все посетители слушаний, – двери оказались начисто заблокированы.

– Вы-ку-рить! Вы-ку-рить! Вы-ку-рить!..

София крепко прижала к груди сумочку и решительно стала проталкиваться наружу.

– Я тебя, фанатика такого!.. – раздался впереди женский голос.

Кричавшая лупила кулаками пожилого мужчину в сером костюме. София испытала потрясение, осознав, что это был не кто иной, как Августус Вартон. Защищаясь, он пустил в ход украшенную серебром трость, но тут на него набросились двое мужчин, чьи татуировки выдавали в них несомненных уроженцев Индии. Один отобрал у Августуса трость, второй заломил ему руки. Голубые глаза женщины сверкали яростью, светлые волосы прилипли к лицу. Она плюнула в Вартона... и вдруг, обмякнув, упала, только юбки взвились. У нее за спиной с занесенной дубинкой стоял полицейский. Он протянул руку, выражая намерение защитить Вартона, и татуированные молодчики как-то незаметно исчезли.

Потом донесся чей-то громкий возглас, за которым последовала череда неразборчивых воплей. София почувствовала, что где-то горит, прежде, чем увидела пламя. Люди шарахнулись в стороны... и в дверь палаты представителей ударился брошенный факел. Когда он упал на пол, крики зазвучали с новой силой. София стала проталкиваться прочь, вглубь толпы, она с усилием преодолевала ступени у входа и все пыталась высмотреть запропастившегося Шадрака. Запах дыма бил в ноздри.

Уже почти спустившись, она услышала визгливый крик:

– Ах ты, грязный пират!..

И прямо на Софию, сбив ее с ног, рухнул небритый верзила. Во рту у него недоставало зубов. Вскочив, он рассерженно бросился на обидчика. София, оказавшаяся на четвереньках, неуверенно поднялась. На улице было меньше народу, и она устремилась туда, перескакивая через последние ступени. У нее подгибались коленки.

На углу, совсем рядом с палатой, была остановка, и к ней как раз подходил трамвай. София побежала к нему и вскочила на подножку, даже не поинтересовавшись, куда он идет.

2. Портовый трамвай

14 июня 1891 года, 10 часов ровно

На севере царила доисторическая первозданность, на юге и западе эпохи смешались. Самым болезненным после Великого Разделения оказался временной разрыв между прежними Соединенными Штатами Америки и Европой. Папские государства и Сокровенные империи погрузились во тьму. Таким образом, восточному побережью нашего континента за Атлантическим океаном выпало поддерживать славные традиции Запада. Отныне Соединенные Штаты стали называться Новым Западом...

Шадрак Элли. История Нового Запада

Трамвай покотился прочь от палаты, выписывая маршрут по улицам Бостона, и София наконец перевела дух. Она зажала дрожащие руки между коленями, исцарапанные ладони жгло и щипало. Еще слышен был рев толпы, пассажиры в вагоне возбужденно обсуждали потрясшее всех решение парламента.

– Ничего у них не получится, – трясая головой, утверждал тучный мужчина со сверкающими карманными часами на цепочке. Он даже притопнул ногой в ботинке из лакированной кожи. – Многие жители Бостона являются чужестранцами. Изгонять их попросту непрактично... Город не поддержит подобный проект!

– Однако лишь у немногих есть документы и часы, – возразила молодая женщина, сидевшая рядом. – Выходцы из других эпох обычно не имеют ни того ни другого.

На ней была юбка в цветочек, которую она нервно комкала.

– Неужели депортации в самом деле начнутся четвертого июля? – прерывающимся голосом спросила дама постарше.

София отвернулась от них и стала смотреть на мелькающие дома. На каждом углу виднелись громадные часы Нового Запада с циферблатами, разделенными на двадцать секторов. Они крепились на фонарных столбах, красовались на каждом фасаде, взирали на город с высоты бесчисленных монументов. В силуэте города доминировали величественные колокольни. Когда они начинали звонить, в центре Бостона вполне можно было оглохнуть.

Помимо этого, каждый гражданин Нового Запада держал при себе часы, воспроизводившие движение громадных стрелок в миниатюре. На каждом карманном устройстве с точностью до секунды был отмечен момент рождения его владельца, напоминая о быстротечной жизни. София нередко брала в руку гладкий металлический диск, не зря именовавшийся жизнечасами. Мерное тиканье успокаивало, вселяло уверенность – точно так же, как ободряющее звяканье и бой всех общественных часов города. Теперь Софии казалось, что стрелки хронометра, всегда служившего ей в некотором роде якорем, ведут обратный отсчет. До пугающего финала оставалось немного: четвертое июля наступит всего лишь через три недели. В этот день границы будут закрыты. И двое самых дорогих на свете людей, у которых нет необходимых документов, останутся по ту сторону навсегда...

Своего отца, Бронсона Тимса, София едва помнила. Как, впрочем, и мать – Вильгельмину Элли. Они отправились в экспедицию и пропали, когда ей исполнилось три года. Ее память хранила одно драгоценное воспоминание, да и то выцвело, стало прозрачным и призрачным: вот они идут рядом с ней и держат ее за руки. Их смеющиеся лица видятся ей как будто издали, они сияют нежностью. «Лети, София, лети!» – восклицают родители, и она вдруг взмывает над землей. И заливается неудержимым смехом, который вплетается в звонкий хохот матери и басовитый голос отца...

И все. Больше от них ничего не осталось.

Вильгельмина – Минна, если коротко, – с Бронсоном были первоклассными исследователями. До рождения дочери они путешествовали на юг, в Пустоши, на север, где изучали Доисторические Снега, добирались даже до Сокровенных империй на востоке. Они планировали в дальнейшем брать с собой Софию, когда она подрастет... Случилось так, что срочное письмо от коллеги, углубившегося в Папские государства, заставило их уехать раньше намеченного срока. Некоторое время они раздумывали, не взять ли с собой дочь...

Именно Шадрак уговорил свою сестру и ее мужа оставить Софию у него. Письмо содержало намеки на непредсказуемые опасности, к которым даже он не мог их подготовить. И если уж сам Шадрак Элли, доктор исторических наук и мастер-картолог, не ручался, что путь окажется безопасным, – ребенку трех лет от роду там определенно нечего было делать. Кто, как не он, понимал, на какой риск шли Минна и Бронсон? И с кем еще оставить малышку, если не с любимым дядюшкой Шадраком?

Они уехали – снедаемые беспокойством, но очень решительные. Уверенные в том, что поездка не слишком затянется...

Родители Софии так и не вернулись. С течением лет все меньше оставалось надежды на то, что когда-нибудь они объявятся живыми. Шадрак знал это; София – чувствовала. Однако по-настоящему поверить отказывалась... А теперь еще это закрытие границ. София места себе не находила, и вовсе не из-за погубления исследовательских перспектив, обрисованных в речи Шадрака. Все дело было в ее родителях. Они покинули Бостон в гораздо более мягкую эпоху, когда поездки без каких-либо документов были обычным делом; поступать таким образом считалось даже мудрым, ведь в опасном путешествии их могли повредить или стащить. Бумаги Минны и Бронсона хранились в письменном столе в их спальне. Если Новый Запад в самом деле закроет границы, как же они попадут назад?..

Предавшись невеселым раздумьям, София откинула голову на спинку сиденья и опустила веки...

Спустя некоторое время она вздрогнула, почувствовав, что кругом сгустилась холодная и странная темнота. Девочка резко открыла глаза, в панике спрашивая себя: «Что, уже ночь наступила?..» Перво-наперво она потянулась за часами, потом быстро огляделась. Оказывается, вагон остановился в тоннеле. Далеко позади ярко светился входной проем. Значит, день продолжался. София прищурилась, глядя в циферблат. Четырнадцатый час! Она так и ахнула.

– Четыре часа! – вслух вырвалось у нее. – Поверить не могу!

Она поспешила в головную часть трамвая – и увидела вагоновожатого, стоявшего на рельсах в нескольких метрах впереди. Раздался громкий металлический лязг, после чего мужчина, грузно шагая, направился назад.

– Вы еще здесь? – проговорил он дружелюбно. – Вам, должно быть, по душе мой маршрут: вы уже двадцать три раза его проехали. А может, вам нравится, как я трамвайчик

веду?

Он был плотный и коренастый, по его подбородку и лбу стекал пот, невзирая на тоннельную прохладу. Мужчина улыбнулся, вытер лицо красным платком и сел на свое место.

– Не уследила за временем, – обеспокоенно проговорила София. – Совсем счет потеряла!

Вагоновожатый вздохнул.

– Да какая разница, – сказал он. – Больно уж скверный сегодня день! Чем быстрее кончится, тем и лучше!

Он отпустил тормоз, и вагон бодро покатился вперед.

– Вы сейчас в город вернетесь? – спросила София.

Вагоновожатый покачал головой:

– Я еду в депо. Вам придется сойти возле гавани и пересесть на трамвай, идущий к центру.

В этой части Бостона София не была уже несколько лет.

– А сесть можно будет на той же остановке? – поинтересовалась она.

– Я вам все покажу, – заверил ее вагоновожатый.

Разогнавшись, трамвай вдруг резко повернул влево. Потом они выбрались из тоннеля, и София прищурилась от яркого света. Почти сразу вагон остановился.

– Остановка «Гавань»! Конечная! Посадки нет!

Толпа пассажиров нетерпеливо уставилась на тоннель, откуда должен был появиться следующий трамвай.

– Вам надо пройти шагов пятьдесят вон в ту сторону, – сказал Софии вагоновожатый, указывая через головы людей. – Там остановка, написано:

«В город». Не заблудитесь.

14 часов 3 минуты: в гавани

Новости о закрытии границ успели достичь бостонского порта. Люди метались туда и сюда среди хаоса грузовых тележек, торговых лотков и ящиков с поклажей. Кто-то кричал и распоряжался, шла спешная разгрузка, все готовились к внезапному отъезду. Двое мужчин ссорились над разбитым ящиком, битком набитым живыми омарами; между сломанными досками слабо шевелились клешни. Прямо над головами с криками проносились чайки. Они лениво пикировали, подхватывая случайные куски рыбы и хлеба. Волны горячего воздуха переносили обычные портовые запахи рассола, смолы и несильный, но всепроникающий тухловатый душок.

София очень старалась никому не попасть под ноги, но ее то и дело отпихивали с дороги. Пытаясь найти трамвайную остановку, она ощутила, как накачивает чувство поражения, – так всегда бывает, когда не уследишь за временем. Только бы их экономке, миссис Клэй, от волнения плохо не сделалось. А Шадрак! Он наверняка все ищет ее возле здания палаты и предполагает самое худшее, раз она не появилась...

София спотыкалась на ровном месте и пыталась сдержать слезы горького разочарования.

Ее слишком часто настигало ощущение собственного бессилия, крушения всех надежд. Тем более что у Софии, к огромному ее огорчению, совсем не работали естественные,

внутренние часы. Минута для нее порой длилась почти час, а то и день. Девочка могла за секунду пережить столько эмоций, что их хватило бы на целый месяц. Зато месяц иной раз казался секундой. В детстве София без конца попадала из-за этого в неудобное положение. Кто-нибудь задаст ей вопрос, она чуть-чуть призадумается... и вдруг оказывается, что над ней минут пять уже все смеются. Однажды она шесть часов прождала на ступенях Публичной библиотеки подругу, которая так и не явилась... А еще Софии постоянно мерещилось, будто пора спать.

Со временем она научилась справляться с отсутствием внутреннего хронометра. Теперь, тринадцати лет от роду, она почти никогда не теряла нити разговора. Девочка привыкла наблюдать за окружающими людьми и таким образом определять, когда пора есть, уходить из школы или отправляться в кровать. А еще у нее появилась привычка то и дело трогать свои часы и поглядывать на них. В сумочке Софии хранился рисовальный блокнот, где она делала ежедневные четкие зарисовки, – это была своеобразная карта прошлого и будущего, которая вела ее сквозь бездны неизмеримого времени...

Сбои внутренних часов причиняли ей беспокойство и иного рода. София очень гордилась своими познаниями: она не боялась заблудиться в Бостоне и даже за его пределами, потому что по мере взросления она все чаще путешествовала с Шадраком.

И в школе она училась с примерным прилежанием, учителя любили ее – в отличие от некоторых одноклассников. Она обладала несомненным талантом все раскладывать по полочкам, чтобы дойти до самой сути. Друзья Шадрака неизменно называли ее «разумной не по годам». Их похвалы очень много значили для нее... хотя и не перекрывали изъяна, из-за которого она сама себе казалась ветреной и рассеянной, словно какая-нибудь глупышка.

А всего хуже было то, что происходила она из семьи, члены которой отличались врожденным чувством времени, равно как и умением безошибочно определять направление. Вот у родителей, во всяком случае, точно имелись не только внутренние часы, но и внутренние компасы, воистину достойные великих исследователей. Шадрак тоже мог, не глядя на стрелки, назвать время с точностью до секунды. И как бы он ни подбадривал Софию, забыть о своей ущербности она не могла. Собственно, так и родилась их совместная придумка – Заводная Кора. Это была шутка по поводу проблемы, над которой София смеялась разве что через силу.

С дядей девочка никогда об этом не заговаривала, но было у нее жуткое подозрение насчет того, каким образом она лишилась врожденного ощущения времени. Она представляла себя совсем крошкой, ждущей родителей возле пыльного окна. Часы маленькой Софии тикали и тикали... сперва терпеливо, потом беспокойно... и наконец – отчаянно, отмеряя секунды непоправимого отсутствия мамы и папы.

А потом, когда стало ясно, что ожидание тщетно, часики просто сломались, и вместе с надеждой увидеть дорогих людей девочка утратила и чувство времени.

Как ни любил юную племянницу Шадрак, ежесекундно быть с нею он просто не мог. Увы, на многочисленных студентов-выпускников, которых он постоянно нанимал себе в помощь, чтобы справляться с работой и уходом за ребенком, нельзя было полностью положиться. Маленькая София нередко оставалась в одиночестве, пока дядя с помощниками корпели над составлением карт. Иногда она в самом деле просто ждала маму и папу, прижав к оконному стеклу нос и ладошки. Ее память – возможно, сдобренная воображением – рисовала это ожидание в виде череды долгих и тягостных часов. Солнце вставало и заходило,

люди бесконечной вереницей шли мимо окна... а она все мечтала о встрече, все надеялась. Порой ее собственный образ в этих воспоминаниях расплывался, и тогда у окошка оказывалась не трехлетняя малышка, а едва ли не нынешняя София. Дядя вправду не единожды заставлял выросшую племянницу у окна. Она стояла в задумчивости, подперев рукой остренький подбородок, карие глаза смотрели куда-то вдаль.

И вот теперь она переминалась с ноги на ногу на запруженном причале, сердито вытирая глаза и пытаясь успокоиться, сосредоточиться. Вдруг среди всеобщей суеты София заметила с дюжину человек, выстроившихся друг за другом. Сделав над собой немалое усилие, девочка отогнала прочь мысли о четырех часах, выпавших из ее жизни.

«Это, должно быть, очередь на трамвай в город!» – подумалось ей.

Она подошла ближе, и сквозь шум пробился голос человека, что-то кричавшего в рупор.

София тронула за плечо женщину, которая стояла впереди.

– Простите, пожалуйста, это очередь на трамвай в центр?

Молодая женщина взволнованно мотнула головой. Она держала в руке флаер и протянула его Софии.

– Какой трамвай? Тут зверей из других эпох привезли! – возбужденно пояснила она. – Посмотрим на них, пока еще можно!

И рука в кружевной перчатке указала на объявление, которое было всего в нескольких шагах.

Возле рекламного щита стоял человек с рупором. Он был ниже среднего роста и носил небольшую острую бородку. Голова в очень высоком цилиндре казалась непропорционально маленькой. Человек размахивал тростью с серебряным набалдашником.

– Дикие люди! Чудовища! Твари, поражающие воображение! – выкрикивал он. Его щеки побагровели от усилия и жары. Он изъяснялся с акцентом уроженца Западных Пустошей: гласные в его речи звучали особенно гулко. – Диковины, добытые неустрашимым Симоном Эрлахом и выставленные здесь ради развлечения и просвещения зрителей!

Он тыкал рукой в сторону плотного бархатного занавеса, перекрывавшего вход в пакгауз у него за спиной. Слева от него сидела женщина еще меньше ростом, чем он сам. Она проворно считала деньги, выдавала и компостировала билеты, пропускала посетителей внутрь. Низкий лоб от напряжения пробороzdили морщины.

– Постоянная выставка людей и зверей, отражающая все невообразимое разнообразие эпох! – выкрикивал коротышка, от усердия брызгая на слушателей слюной. – Каждый экземпляр выступает живым свидетельством удивительных и завораживающих обычаев своей эпохи! Спешите видеть, и вы забудете, в каком времени сами находитесь! – И кончиком трости он стукнул по большой клетке, стоявшей от него справа. – Вот юный дикарь из Пустошей во всем блеске воинского облачения!.. Купите билет, и вам покажут еще более свирепых обитателей Пустошей! Кентавры, русалки, хвостатые дети! Не упускайте шанса, пока это еще возможно!..

София не отрываясь смотрела на клетку, начисто забыв обо всем прочем. За решеткой стоял мальчишка, по виду чуть старше ее, его наряд с головы до ног состоял из перьев. В пареньке с первого взгляда можно было узнать выходца из иной эпохи. Цветные перья были так искусно вплетены в его волосы, что казалось, росли прямо из головы. Руки и ноги покрывала многоцветная боевая раскраска. На бедрах колыхалась юбочка из перьев, с плеча свисал пустой колчан... Столь экзотический вид, вероятно, когда-то в самом деле производил впечатление, но теперь перья были большей частью поломаны и измяты. Юный

воин показался Софии прекрасной птицей, пойманной в воздухе, брошенной наземь и запертой в клетку.

Впрочем, ее внимание привлекла не только его красота. Все дело было в выражении лица. Мальчишку сунули в клетку, выставили на всеобщее обозрение... а он смотрел на толпу так, словно всех этих людей привели сюда для его забавы. Уголки рта кривились в легкой усмешке, безмятежный взгляд превращал клетку в подобие пьедестала. Парень хранил непоколебимое достоинство – и был воистину великолепен. София не могла отвести от него взгляда. Она вновь потеряла счет времени, но... ничего подобного с нею до сих пор не бывало.

– Уверю вас, леди и джентльмены, – продолжал свое коротышка, – в Эпохальном цирке Эрлаха вы увидите даже битвы этих свирепых существ! И прошу вас учесть, что после сегодняшнего парламентского решения вам осталось наслаждаться чудесами иных эпох всего несколько дней! Используйте свой шанс, пока еще не поздно!

Выкрикнув это, он сунул трость между прутьями клетки и ткнул ею пернатого паренька. Тот посмотрел на нее – и выхватил с такой легкостью, словно перышко в своем наряде поправлял. Потом швырнул обратно владельцу и, тотчас потеряв к трости интерес, вновь уставился на толпу. Зазывала взхлеб перечислял чудеса Эрлаха... София же заметила устремленный на нее взор пленника. Вот он поднял руки, взялся за прутья... Софии показалось, будто он прочел ее мысли и был готов вот-вот с нею заговорить. Она почувствовала, что краснеет, но взгляда отвести не могла. Она и с места сдвинуться была не в силах – да, собственно, и не хотела.

– Эй, милочка! – с трудом пробился к ней чей-то голос. Ее трясла за плечо та молодая женщина из очереди. – Ты ведь, кажется, спрашивала трамвай в город? Беги, дорогая, вон он идет!

София с трудом оторвала глаза от юного дикаря. Да, трамвай в самом деле подходил к остановке. Если она поторопится, как раз успеет вскочить в вагон. София еще раз покосилась на пленника. Тот продолжал все так же сосредоточенно смотреть на нее...

Она побежала на остановку.

3. Шадрак Элли, картолог

14 июня 1891 года

*Кто может знать, позволено ли нам
Растрачивать дар речи благородный?
К каким безвестным ныне берегам
Прибудет наш глагол, к каким народам?
Облагородит ли на Западе миры,
Что в хаос погрузились до поры?*

Сэмюел Дэниел. Музофил. 1599 год

София жила у Шадрака в южном районе Бостона, в доме тридцать четыре по улице Ист-Эндинг. Это был крепкий кирпичный особнячок, выстроенный прадедом Софии. Белые ставни, разросшийся плющ и кованая железная сова, не слишком заметная над входной дверью, – дом как дом на тихой улице, ничем особо не выделявшийся среди других. Правда, здесь на красной двери имелась небольшая, хвойно-зеленого цвета вывеска, гласившая: «Шадрак Элли, картолог». Правду сказать, большого смысла в ней не было, ведь всякий, кому мог понадобиться Шадрак, и без того совершенно точно знал, где его искать. Более того, любому заинтересованному лицу было известно, что скромная надпись «картолог» в очень малой степени отражала действительный охват его деятельности. Шадрак был еще и географом, историком, исследователем. Профессором в университете и частным консультантом, работавшим с учеными и правительственными чиновниками. Словом, всякий, кому требовалось мнение эксперта по истории и географии Нового мира, безошибочно находил дорогу к двери Шадрака.

К нему шли просто потому, что он считался лучшим. В то время как большая часть мира была на картах сплошным белым пятном и мало кто имел представление более чем об одной-двух эпохах, Шадрак являлся настоящим кладом знаний. Несмотря на его молодость, никто не мог с ним равняться ни в научной эрудиции, ни в искусстве составления карт. Он свободно владел историей всех известных материков и разбирался в картах каждой цивилизации, разведанной исследователями Нового Запада, а самое главное – сам превосходно чертил. Поговаривали, что его учитель, великий мастер, расплакался от изумления и восторга, когда юный Шадрак Элли представил свою первую полную карту Нового мира. Точность в его работах сочеталась с художественным изяществом, но этого может добиться и любой ремесленник-рисовальщик; Шадрака же выделяли среди прочих именно его бездонные знания.

Подрастая в окружении блистательных дядиных работ, София не привыкла считать их исключительными и необычными. Картография в ее представлении была благородной, ученой, но в то же время довольно неопрятной профессией. Дом тридцать четыре по улице Ист-Эндинг от подвала до чердака был увешан картами древних, современных и вовсе вымышленных миров – на стенах в буквальном смысле не осталось свободного дюйма. Всюду – перья, компасы и карты, карты, карты, разложенные и свернутые в рулоны. Они уже

заполнили гостиную и кабинет и даже на кухне вели наступление из дальних углов, подбираясь к середине. Пергаменты и чертежные принадлежности валялись на столешницах и в ящиках столов. Среди этого рабочего беспорядка София была таким подвижным островком аккуратности: проходя по дому, она задвигала на место готовые выпасть книги, сворачивала в трубку листы бумаги, собирала рассыпавшиеся перья... В общем хаосе выделялись два места, где царил относительный порядок: комната Софии, куда пробрались лишь несколько избранных карт и книг, и квартирка на четвертом этаже, где обитала их экономка, миссис Клэй.

Сизаль Клэй появилась там много лет назад, когда Софии было всего восемь, и после длительного совещания с Шадраком просто въехала на дотоле необитаемый четвертый этаж. Шадрак, вообще-то, весьма неодобрительно относился к обычаю держать прислугу, не желая таким образом поддерживать систему, при которой дети слуг слишком рано оставляли школу. Даже когда у него на попечении оказалась трехлетняя кроха, он не стал нанимать няньку, полагаясь на небезвозмездную помощь своих учеников. Им ведь не приходилось бросать учебу, чтобы кому-то помогать с домашним хозяйством!

Чтобы сберечь ребенка, искренней любви обычно бывает достаточно. Однако чистое белье и одежда не материализуются из нее сами собой, и еще надо понимать, что маленьким детям иные аспекты взрослой жизни представляются слишком скучными – такие, например, как двухчасовая университетская лекция по теме оледенения Жуткого моря.

Помощники Шадрака старались изо всех сил, но получалось у них неважно, поскольку в вопросах воспитания соображали они не лучше учителя. София смутно помнила их: блестящие умы, изобретательные, с отточенной памятью... и очень скверные няньки. Один склеил ей из лакированной бумаги великолепную лодку. Она даже плавала на ней по Чарльз-ривер – к неослабной зависти всей окрестной ребятни. Другой попытался научить ее латыни и весьма преуспел. В возрасте семи лет она без запинки объяснялась на этом языке, рассуждая об овцах, земледелии и акведуках. Милейшие ребята, что и говорить, только с такими понятиями, как время, когда детей надо кормить или укладывать спать, у них были большие проблемы. София рано выучилась видеть в них не столько рассудительных опекунов, сколько чудесных товарищей по играм, и поступила так, как и следовало разумной личности: стала заботиться о себе самостоятельно.

А потом появилась миссис Клэй. И Шадрак изменил своим принципам, не потрудившись объяснить причину. Миссис Клэй просто поселилась в доме тридцать четыре по улице Ист-Эндинг и стала вести хозяйство. Будь на ее месте какая-нибудь другая особа, жизнь Софии могла бы весьма резко перемениться. Однако вдовья миссис Клэй успела поработать экономкой в картологической академии, где два года учился Шадрак, – а было это в столице Пустошей, Нохтланде. Опять же и особнячок мог бы расцвести под рукой опытной домоправительницы, а высокоинтеллектуальный хаос и атмосфера ученых посиделок, насаждаемые Шадраком, – обрести хотя бы относительные рамки... Однако София, несмотря на свои детские годы, быстро смекнула, что их экономка нуждалась в присмотре едва ли не больше ее самой.

Миссис Клэй была молчаливой и задумчивой женщиной с грустными глазами на широком лице. Она бродила по комнатам особняка точно так же, как ходила по бостонским улицам, – очень тихо и даже робко, словно подыскивая место, где можно спрятаться. Характер ее являл собой смесь из трети меланхолической доброты и двух третей странной тревожности. Девочка любила экономку, чувствуя в то же время, что совсем

не знает ее. Спустя время она начала воспринимать присутствие миссис Клэй как должное – и продолжала рассчитывать в основном на себя.

Так она и стала вполне независимой и практичной нынешней Софией.

15 часов 19 минут

Когда София в конце концов вернулась домой, взволнованный Шадрак сидел у кухонного стола в обществе заплаканной экономки. При виде Софии они вскочили. Дядя бросился к ней и крепко обнял ее:

– София! Ну наконец-то...

Какое же счастье было снова очутиться дома, уткнуться носом Шадралу куда-то пониже подбородка, вдохнуть знакомый запах его хвойного мыла... Она просто прижималась к нему и молчала.

– Простите меня, – шепнула она спустя минуту-другую. – Я опять за временем не уследила.

Миссис Клэй положила руку ей на плечо, бормоча горячие хвалы Провидению, Шадрак же с облегчением тряхнул головой и улыбнулся, правда лицо его еще хранило печать недавно пережитых волнений. Он убрал племяннице растрепавшиеся локоны за уши и взял в ладони ее лицо.

– Я уже хотел идти обратно к палате, – сказал он. – В третий раз. Я-то думал, ты меня на галерке ждешь...

– А я и ждала, только не знала, долго ли придется там стоять, а потом стали требовать огня, вот я и...

Шадрак мрачно проговорил:

– Знаю.

– Когда удалось выбраться оттуда, – продолжала София, – я села не в тот трамвай. А потом счет времени потеряла... И в гавани оказалась, – смущенно добавила она.

– Ладно, все кончилось хорошо, – сказал Шадрак, взял ее за руку и подвел к кухонному столу. – Я волновался, конечно, но теперь больше не о чем переживать. Это была не твоя вина.

Он глубоко вздохнул и уселся.

– А с тобой что случилось? – спросила София.

– Мы с Майлзом стали проталкиваться к балкону, но тут он сцепился с каким-то нахалом в галстук-бабочке. Пока я их растаскивал, галерка успела опустеть... – Шадрак снова покачал головой. – Ну и денек сегодня! Миссис Клэй, несомненно, слышала новости. Да что там, весь Бостон только о том и говорит...

– Ну во всяком случае, наша София дома и в безопасности, – проговорила экономка.

У нее был резковатый акцент уроженки южных Пустошей, да и одевалась она не как местные жительницы. Например, неизменно вставляла в петлицу если не цветочек, то стебелек клевера или хоть осенний листок; в волосах у нее сегодня красовалась увядшая фиалка. Лицо экономки опухло и покраснело от слез, и София крепко подозревала, что ее долгое отсутствие было тут ни при чем. У миссис Клэй не имелось ни жизненных, ни документов.

– Спасибо вам большое. Простите, что заставила поволноваться, – сказала София, садясь с ними за стол. – А Майлз уехал, как собирался?

Шадрак устало провел рукой по волосам.

– Да. Его корабль отчалил в двенадцать. Майлз едва ли предполагал, что сегодняшней день окажется столь судьбоносным, и до смерти рад был поскорее отправиться в плавание.

– Но ведь он вернется?

– Будем на это надеяться, София. Пока парламентарии остановились на том, чтобы закрыть границы и выселить тех жителей иных эпох, у кого не окажется документов. Так называемый Патриотический план, – сухо заметил Шадрак, – щедро позволяет гражданам Нового Запада путешествовать туда и обратно.

– Значит, мы по-прежнему можем ездить туда-сюда? – обрадовалась София и тут же виновато покосилась на миссис Клэй. – В смысле, те, у кого есть бумаги...

Шадрак кивнул:

– Да, на сегодняшний день это так. Начался шум, и ты, верно, не расслышала, что в конце августа парламент собирается рассмотреть выдвинутую Вартоном защитную поправку. Чего доброго, примут и ее...

– То есть вообще границу закроют? Чтобы никому ни выехать, ни въехать?

– Глупость, конечно, чудовищная, – ответил Шадрак. – Не припоминаю, однако, чтобы это их когда-либо останавливало.

– Не понимаю, почему это должно было случиться именно теперь, – подозрительно дрожащим голосом выговорила миссис Клэй.

– Все проще простого, – сказал Шадрак. – Из-за страха.

– Но мне всегда казалось... хотя я, конечно, в каком-то смысле здесь новенькая... что жители Нового Запада бостонцы, по крайней мере, были очень... равнодушны, – осторожно выразилась она, – к иным эпохам. А потому и к чужестранцам относятся не враждебно, а скорее с любопытством...

– Правда, – поддержала София. – Ну что за бессмыслица! Люди так интересуются иными эпохами! Там, в гавани, открылся цирк, где можно увидеть создания со всех концов света. Один дядька билеты продавал, а рядом в клетке был его пленник, мальчик, весь в перьях, и он спокойно стоял, ни на кого внимания не обращал, хотя на него все глазели.

Выдав столь многословную и не слишком связную речь, она вдруг поняла, что ничего не сказала ни об удивительных качествах юного воина, ни о впечатлении, которое он на нее произвел.

Шадрак наградил ее задумчивым взглядом.

– Да, – произнес он и вновь провел рукой по волосам. – Полагаю, большинство наших жителей действительно испытывают любопытство к иным эпохам, и весьма сильное. Поэтому одни становятся исследователями, другие оказывают гостеприимство чужеземцам, третьи – пленников в клетках рассматривают... – Он невесело улыбнулся. – Но очень много и тех, кто боится. Причем люди не только опасаются выходцев из чужих эпох, но и, как ни странно это звучит, вообще тревожатся за свою судьбу.

– Вы о налетах и пиратстве? – спросила миссис Клэй.

– Именно. Никто не отрицает, – сказал Шадрак, – что конфликты с иными эпохами случаются повсеместно. Пираты Объединенных Индий недешево обходятся нашей торговле. Верно и то, что разбойники из Пустошей буквально продохнуть не дают жителям наших окраин. Там даже беспокойнее, чем на границе с Индейскими территориями. Однако, – грустно продолжал он, – у проблемы есть и обратная сторона. Из Семинолы ежедневно отплывают корабли под нашими флагами. В открытом море они спускают их и взамен

поднимают пиратские. И в Пустошах мы разбойничаем не меньше, чем тамошние жители – у нас. – Шадрак помолчал и добавил: – Думается, таким образом оказался в плену и тот юноша, которого ты, София, видела на набережной в клетке.

– В смысле... его похитили из Пустошей?

– Скорее всего. Если начать спрашивать, то наверняка скажут, что застукали его в пределах Нового Запада и что он так или иначе нарушил закон. Но я поставил бы на то, что его взяли во время налета, а цирк просто купил его у мародеров, чтобы сделать гвоздем своего шоу...

Последние слова он произнес с нескрываемой горечью.

– Ну и мерзавцы! – вырвалось у Софии.

Она все думала о спокойной гордости паренька и о том, как он неожиданно подался к прутьям решетки, словно хотел заговорить с ней.

Шадрак кивнул:

– Вот именно.

Члены их семьи по линии Элли, то есть Шадрак и Минна, были коренными бостонцами. А вот Тимсы имели более сложное происхождение. Прадед и прабабка Софии были рабами. После восстания тысяча девятьсот десятого года они участвовали в основании штата Новый Акан. Их сын, дедушка Софии, переехал в Бостон ради учебы в университете.

– На момент отмены рабства прадедушке Софии было всего семнадцать, – пояснил Шадрак миссис Клэй и вновь повернулся к девочке. – Могу представить, как потряс тебя вид бедного парня в клетке...

– Вот чего я понять не могу, – проговорила экономка. – Ведь гражданам Нового Запада прекрасно известно, что почти все здешние жители когда-то сюда приехали... Все они – потомки иностранцев! Как же так?

– Все верно. Однако то, что мы наблюдали сегодня, – ответил Шадрак, – происходит, когда страх перевешивает доводы разума. В решении парламента нет логики. Спрашивается, какой смысл депортировать наших лучших работников и торговцев? Я уж молчу о разделении семей, об отцах, о матерях, друзьях... Ох, придется государственным мужам об этом пожалеть!

Некоторое время после разговора все трое молча сидели у пустого кухонного стола. Каждый думал о своем. София положила голову на плечо дяде. Мгновением позже он шевельнулся, словно его посетила неожиданная мысль.

– Простите меня, миссис Клэй. Час назад вы явились очень расстроенная, а я был поглощен беспокойством из-за Софии. Давайте обсудим, каким образом добыть для вас документы, ведь получить их через надлежащие каналы мы уже не успеем... – Он потрянул головой. – Процедура натурализации тянется месяцы, а то и годы. Нам следует прибегнуть к иным средствам.

Она благодарно посмотрела на него:

– Спасибо вам, мистер Элли. Вы так добры... Однако час уже поздний, а ни вы, ни София так и не пообедали. Поговорим попозже... не буду вам мешать...

Она неуверенно поднялась и первым делом пригладила узелок волос на затылке, заправляя на место выбившиеся волоски.

– Чепуха! – сказал Шадрак, ласково отстраняя Софию. – Вы правы, надо нам перекусить. Да и вам тоже. – Он посмотрел на часы. – Я свяжусь с Карлтоном. Сегодня же вечером, если удастся.

Карлтон Хопиш, коллега Шадрака и его университетский приятель, работал в Министерстве сношений с внешними эпохами и был сильно обязан Шадраку. Благодаря дружбе с самым продвинутым и знающим картологом Нового Запада Карлтон неизменно считался наиболее осведомленным человеком в правительстве; Шадраку, в свою очередь, был открыт своевременный доступ к информации «для служебного пользования».

– Перво-наперво, – сказал хозяин дома, – я пошлю ему записочку с просьбой провести для вас документы ускоренным порядком. Попробуем для начала воспользоваться легальными способами... Надеюсь, вы пообедаете с нами? Никому не следует оставаться один на один с плохими известиями... – Увидев, что миссис Клэй колеблется, он добавил: – Пожалуйста.

– Ну что ж... Спасибо, вы так добры, – ответила она.

– София, – немного виновато обратился он к племяннице, – ты не повредишь еще немножко с едой, пока я черкну записку Карлтону и поговорю о делах с миссис Клэй?

– Конечно, – отозвалась она. – Я тоже пока Дороти письмо напишу.

– Ну и хорошо.

После этих слов Шадрак и миссис Клэй ушли в его кабинет, а София направилась вверх по лестнице – в свою комнату.

16 часов 27 минут: в комнате наверху

Поднимаясь по ступенькам, София вздохнула. Она миновала комнату, раньше принадлежавшую родителям; долгие годы там все оставалось почти нетронутым. София тихонько стукнула в дверь. Так она поступала всякий раз, когда шла мимо. В раннем детстве она часто там пряталась среди родительских вещей: их вид ее успокаивал. На ночном столике красовался нарисованный Шадраком парный портрет. Некогда София всерьез верила, что он обладает волшебными качествами. Сейчас ей было ясно, что это просто рисунок, причем довольно среднего уровня, ведь Шадрак был чертежником, а не художником-портретистом. В первые годы после исчезновения родителей София часто брала в руки дядин рисунок, обводила пальчиком чернильные линии... Иногда она в самом деле слышала смех, ощущала чье-то присутствие, будто мать и отец находились здесь, с нею рядом. С течением лет она заглядывала сюда все реже. Комната стала напоминать ей не о папе и маме, а скорее об их утрате. Входя сюда, София думала о том, как она всякий раз переступала этот порог, на что-то надеясь... и комната неизменно оказывалась пуста.

Предметов, вызывавших в памяти образы родителей, и так было предостаточно. Например, серебряные сережки-звездочки, что София носила не снимая; их ей подарили на самый первый день рождения. Цветные ленточки, которыми мама любила закладывать книги. Трубка отца, лежащая в гостиной рядом с трубкой Шадрака. Мелочи – но для Софии это были крохотные якоря, негромкие, но неопровержимые свидетельства, что Минна и Бронсон в самом деле существовали когда-то.

В спальне Софии таких якорьков было меньше. Комнату наполняли вещи, в окружении которых протекала ее собственная жизнь. Крохотная магнолия в горшочке. Акварель с видом Салема, подаренная ей художником – другом Шадрака. Платяной шкаф с опрятно разложенной одеждой. И книжные полки с аккуратно расставленными книгами. На нижней – школьные учебники, на верхней – ее любимые. Популярны новеллы Брайони Мэверилл, стихи Пруденс Лавлейс, работы Эмили Дикинсон, Ральфа Уолдо Эмерсона...

и книжки с картинками, которые она до сих пор с большой любовью перечитывала.

Открыв сумочку, София вытащила свой рисовальный блокнот и карандаши. Вместе с ними на стол выпала сложенная бумажка. София улыбнулась, увидев ее. Она заранее знала, что это такое. Не иначе как рисуночек, тайком подсунутый Шадраком в ее сумочку еще утром... Она развернула листок. Так и есть! Небольшой набросок, изображавший Заводную Кору, заставил ее рассмеяться. Девочка-часы сладко спала под занудные речи в парламенте, закинув крохотные ножки кому-то на колени... София спрятала послание в жестяную коробочку и подумала, что нынешний день, к большому несчастью, выдался далеко не таким скучным!

Прежде чем усесться за стол, она открыла окно над кроватью. Облокотилась на подоконник и посмотрела на город. Ее комната находилась на третьем этаже, отсюда в основном видны были крыши. Сбоку открывалась улица Ист-Эндинг; по мостовой не спеша ехал мальчишка на гудиеровском велосипеде. Солнце наконец-то начало клониться к закату. Прохладой еще не веяло, но хоть ветерок поднялся.

Расшнуровав башмачки, София аккуратно устроила их под кроватью и села за стол. Первым делом она написала письмо своей подруге Дороти, переехавшей после окончания учебного года. Отец Дороти занимал важный пост в индустрии торговли, ему предложили новую работу в Нью-Йорке – и София лишилась общества своей ближайшей и едва ли не единственной подруги. Смешливый нрав Дороти несколько смягчал постоянную серьезность Софии; с отъездом подружки летние каникулы стали воистину долгими и весьма одинокими.

В ответных письмах Дороти тоже жаловалась на одиночество. А еще – на шумную суету Нью-Йорка, так мало напоминавшего цивилизованный Бостон.

Однако теперь у обеих девочек возникли заботы поважнее. Дело в том, что отец Дороти родился в Объединенных Индиях. Удастся ли ему остаться на Новом Западе? Сомнительно... София написала о своем беспокойстве и о том, как отчаянно боролся Шадрак против Патриотического плана, из-за которого вся семья Дороти, чего доброго, окажется в изгнании...

Вздыхнув, София сложила письмо, надела конверт – и взялась за альбом. Вечером она всегда рисовала, отчитываясь таким образом о прожитых часах дня, которые иначе легко и незаметно ускользнут в никуда. Если же доверить впечатления бумаге, все события становятся реальными, осязаемыми, зримыми...

Несколько лет назад она ездила с Шадраком в Вермонт. В тот раз вереница дней буквально испарилась прямо у нее на глазах, пока не остались считанные минуты.

По возвращении Шадрак дал ей блокнот-ежедневник, чтобы тот помогал девочке вести счет времени.

«Память – хитрая штука, дорогая моя, – сказал он. – Она не просто вызывает картины прошлого, она их создает. Если наша поездка запомнилась тебе как несколько коротких минут, она и будет такой. А если ты сделаешь ее иной, она иной и останется...»

Сперва его рассуждения показались Софии странноватыми, но по мере пользования блокнотом она все более убеждалась в дядиной правоте. А поскольку мыслила девочка по большей части зрительными образами, она стала рисовать в квадратиках ежедневника картинки, составляя своеобразную летопись своих свершений за год, будь то путешествия за пределы Бостона или тихие дни у себя в комнате. И – с ума сойти! – время постепенно стало упорядоченным, надежным, послушным.

Теперь квадратики с датами были ей ни к чему. У девочки появился свой метод отлова ускользящих часов, минут и секунд. Она даже придумала особый способ складывать бумагу: теперь ее блокнот раскладывался как гармошка, давая ей возможность видеть всю последовательность страниц, превращавшихся таким образом в хронологическую линейку. Зарисовывая впечатления дня, София тщательно проставляла дату и время. Середину каждой страницы занимали образы, мысли, высказывания, услышанные от людей или почерпнутые из книг. При этом она довольно часто обращалась к прошлому и будущему, что-то подправляя в ходе событий или предвкушая, как произойдет нечто ожидаемое.

То ли под влиянием дяди, то ли следуя собственным наклонностям, София превращала свои зарисовки в подобие карт. Она сама не сразу это заметила, но они уверенно вели ее сквозь туманную равнину времени, которая в ином случае простиралась бы из ниоткуда в никуда. София обводила сплошными линиями свои собственные высказывания, пунктирными – воспоминания, пожелания. Сопутствующие этому мысли обрамлялись штриховыми линиями – так она фиксировала свои умственные упражнения. Теперь София не просто в точности знала, когда произошло то или иное событие, но и что она в тот момент думала.

Действуя мягким грифелем и кончиками пальцев, она принялась заносить на бумагу события четырнадцатого июня. Сразу появился набросок противных усов Руперта Миддлса. София тут же обвела их жирной чертой, с презрением отгораживая от всего остального.

«Только не это!» – сказала она себе, пытаясь отрешиться от мыслей об ужасах сегодняшнего утра. Она начала рисунок заново – и вскорости обнаружила, что рисует мальчишку из цирка. Схватить выражение его лица, так поразившее Софию, оказалось непросто. Пристальный взгляд темных глаз... беззаботная полуулыбка...

– Да он же чуть не смеялся, – вслух пробормотала она. Посмотрела на альбомную страницу и решила: нет, в жизни он был совсем не таким...

София перевернула страницу, чтобы повторить попытку, а потом стала неторопливо листать блокнот назад, ища рисунок, сделанный в последний день школьного года.

Вот он. Прямо на Софию смотрела средних лет женщина с короткими волнистыми волосами и морщинками смеха в уголках глаз. У нее за спиной, словно защищая, стоял чуть сутуловатый мужчина. Он улыбался, как напроказивший мальчишка. Сколько же раз София рисовала родителей! Она пыталась вообразить их такими, какими они, должно быть, стали теперь. Чутьочку постаревшими, капельку потяжелевшими... По ходу дела рисунки становились все подробнее, все живее.

«Но я никогда их не нарисую с натуры, если мы так и не встретимся», – подумалось ей.

Она закрыла альбом и с разочарованным вздохом убрала его в стол.

София тут только заметила, что, пока она трудилась, в комнате начало темнеть. Она посмотрела на часы: почти восемнадцать.

«Что-то долго беседует с миссис Клэй Шадрак...»

Спускаясь по лестнице, она услышала из кабинета его голос – ровный, успокаивающий. У открытой двери девочка замерла на месте, внезапно увидев, что экономка плачет и не скрывает слез.

– Ну не могу я вернуться, господин Элли, – говорила она, и в ее всхлипываниях явственно звучал ужас.

– Знаю, миссис Клэй, знаю. Я вам это говорю только затем, чтобы вы поняли: все очень непросто. Будем надеяться, что Карлтон благополучно раздобудет бумаги. К сожалению,

жизнечасы правительственного выпуска достать сложнее. Все это...

– Я без конца слышу лакриму. У меня в ушах звенят ее крики... Я лучше тут нелегально останусь, чем возвращаться! Я не могу! Не могу!..

София нерешительно шагнула вперед:

– Мне очень неловко...

– А нам-то как неловко, София! Мы заставили тебя так долго ждать, – сразу отозвался Шадрак. – Ступай на кухню, мы сейчас подойдем.

Смотрел он виновато и вместе с тем твердо. Миссис Клэй высморкалась в платочек, но глаз так и не подняла.

София побрела прочь по коридору, задаваясь жгучим вопросом: «Что еще за лакрима?..»

4. Сквозь библиотечную дверь

15 июня 1891 года, 7 часов 38 минут

Сейчас Новый Запад переживает Великую эпоху исследований. Путешественники достигают самых удаленных уголков планеты на кораблях, лошадях или пешим ходом. Однако исследования – работа опасная. Многие так никогда и не возвращаются, поэтому большая часть мира остается непознанной. Даже пригодные для изучения места оказываются слишком далекими, и добираться туда лишь самые упорные. Почтовое сообщение не слишком надежно, а кое-где и вовсе отсутствует. Торговые связи налаживаются с трудом и зачастую утрачиваются. Поддерживать постоянные сношения с миром – труд не из легких...

Шадрак Элли. История Нового Запада

София не держала от Шадрара секретов. Ему и спрашивать не приходилось, что у нее на уме: она и так все рассказывала. И Шадрак всем делился с Софией. Настал момент, когда он осознал, что его рано повзрослевшая племянница обладает зрелостью суждений и способностями, не соответствующими возрасту.

Он знал студентов-выпускников, гораздо менее успешно справлявшихся с житейскими трудностями. Поэтому он не скрывал от Софии сложности и проблем своей работы ученого-картолога; как результат, во всем Бостоне не найти было тринадцатилетнего подростка, столь же уверенно разбиравшегося в картах. В общем, никаких тайн между этими двоими быть не могло... По крайней мере, так казалось Софии.

На другое утро она застала Шадрара в кабинете. Он что-то писал – яростно и стремительно, так, что трясся стол красного дерева и на нем ходило ходуном пресс-папье. Когда вошла София, Шадрак выпрямился и устало улыбнулся племяннице.

– Миссис Клэй еще здесь? – спросила она.

– Она ушла к себе наверх примерно в час пополуночи.

– Ты, по-моему, совсем не спал...

– Не спал, – коротко отозвался Шадрак. – Кругом все пошло не так. Да что там, сама почитай. Всюду новости...

Он взял надорванную газету, валявшуюся на столе, и бросил Софии.

Злобой дня, естественно, было закрытие границ и принятие Патриотического плана Руперта Миддлса. Однако задохнуться Софию заставили совсем другие заголовки.

– Карлтон!.. – ахнула София.

«Министра сношений с внешними эпохами, доктора Карлтона Хопиша, нашли сегодня утром в его доме на Маячном холме в тяжелом состоянии. По-видимому, оно явилось следствием поражения нервной системы. Он был обнаружен своей уборщицей, Самантой Педдлфор, описавшей состояние своего нанимателя на тот момент как „ужасающее“.

Судя по всему, доктор Хопиш лишился важнейших мозговых функций. Врачи в городской больнице Бостона полагают, что судить о том, сможет ли доктор Хопиш говорить, слишком

рано. Под большим вопросом и его возвращение к обязанностям министра в обозримом будущем.

Учитывая важнейшую роль доктора Хопиша в исполнении только что принятого Патриотического плана, не следует сбрасывать со счетов возможную связь несчастья, постигшего доктора, с решением парламента. В самом деле, некоторые коллеги доктора Хопиша по министерству, равно как и ряд уважаемых парламентариев, уверенно полагают, что случившееся никак нельзя объяснить несчастным случаем. „Мне представляется несомненным, – сказал мистер Гордон Бродгёрдл, член парламента, – что Хопиш пал жертвой откровенного насилия, развязанного чужеземцами, решившими из соображений мести истребить лидеров нации...“».

– Ужас какой! – вырвалось у Софии.

– Воистину, – проводя рукой по волосам, отозвался Шадрак. – Как ни ужасна трагедия Карлтона сама по себе, только представь, как она усилит позиции сторонников Патриотического плана! Наверняка они уже выставили приезжих виновниками всех трех несчастий. – И он покачал головой. – Ну что за кошмарные сутки выдались.

Некоторое время оба молчали. Потом София тихо спросила:

– Но у нас все будет хорошо, правда ведь?

Шадрак вздохнул и протянул ей руку. София взяла ее. Дядя выглядел очень усталым, но явно хотел подбодрить ее.

– Непременно все обойдется, – сказал он. – Хотя, конечно, надо ждать перемен.

– Каких перемен?

– Не буду врать тебе, София. Настали трудные времена, и кончатся они еще не скоро после того, как уляжется первый взрыв негодования. Знаешь, больше всего меня беспокоят события, предстоящие в конце августа. Как я уже говорил вчера, не удивлюсь, если при всей чудовищности защитной поправки она будет все-таки принята и границу в самом деле закроют. Даже для нас.

София трудно сглотнула:

– Но если... если они это сделают, нам же будет не выехать!

– Именно, – кивнул Шадрак.

– И... и люди с Нового Запада, которые сейчас находятся в иных эпохах, обратно въехать не смогут?

– Вот ты к чему клонишь, – помолчав, сказал он.

– Бумаги у нас, – продолжала София. – Если мои родители решат вернуться, им будет не пересечь границу! Закончится август, и мы их встретить не сможем! Потому что нас к ним тоже не выпустят...

И она повесила голову, избегая дядиного взгляда.

Он поднялся и обнял ее за плечи:

– Ты же всегда надеялась на лучшее, милая...

– Я знаю, – пробормотала она. – Все это глупости.

Шадрак обнял ее еще крепче.

– И никакие это не глупости, – выговорил он негромко, но с нажимом. – Не отказываться от надежды, желать того, что многим кажется невозможным, – я назвал бы подобное мужеством, а не глупостью! Такого человека непросто согнуть, София, и ты как раз из этой породы.

– Ну... наверное...

– Тебе, София, – продолжал дядя, – хочется прямо сейчас что-нибудь сделать. Тебе необходимо действовать. Совершить нечто, требующее всего твоего терпения и упорства.

– Но как я могу хоть на что-нибудь повлиять?..

– Все верно, София. – Шадрок выпрямился и разомкнул руки. – Знаешь, я хотел выждать еще несколько лет, но теперь вижу – не получится. Время настало! – И он прямо посмотрел ей в глаза. – София, ты должна кое-что мне пообещать.

Она удивилась и ответила:

– Хорошо.

– То, что я собираюсь тебе рассказать, известно в нашей эпохе лишь горстке людей.

София уставилась на него, предвкушая нечто необыкновенное.

– Не буду требовать со всей строгостью, чтобы ты держала рот на замке: я полагаюсь на здравость твоих суждений и верю, что ты обмолвишься об этом только при необходимости. Ты должна... – Шадрок смотрел в пол, – должна пообещать мне кое-что иное. Поклянись, что ты никогда... никогда не решишь... даже мысли не допустишь, – поправился он, – отправиться на поиски родителей без меня. – Он снова посмотрел ей в глаза, его взгляд был очень серьезен. – Обещаешь?

Софии потребовалось несколько мгновений на размышление. Она была растеряна и встревожена, но мерещился ей и проблеск надежды.

– Обещаю, – прошептала она.

– Ну вот и хорошо. – Шадрок улыбнулся, но улыбка получилась не очень веселой. – Полагаю, долгое ожидание сделало свое благое дело – научило тебя осмотрительности.

Он подошел к одному из книжных шкафов, снял с полки толстый фолиант, переплетенный в черную кожу. Запустил руку вглубь, будто бы повернул что-то... И огромный шкаф, висевший от пола до потолка, медленно повернулся. За широким дверным проемом обнаружилась лестница, уводившая вниз.

София молча таращила глаза, не в силах вымолвить ни слова от изумления. Шадрок шагнул через порог и зажег вереницу дуговых ламп. Выражение лица девочки заставило его улыбнуться.

– Ну? – спросил он. – Хочешь посмотреть, где я карты рисую?

София только и сумела выговорить:

– Этот ход... он что, всегда здесь был?

– Конечно. Там я занимаюсь самой важной работой.

– А я думала, если у тебя дверь закрыта, значит ты в кабинете работаешь.

– Иногда и в кабинете, – сказал Шадрок. – Но большей частью внизу. Ну, пошли!

И он повел ее по ступеням. Два оборота по лестнице, и перед Софией открылся подвал, о существовании которого она до сего дня даже не подозревала.

Помещение занимало ту же площадь, что и весь первый этаж дома. На стенах и столах сияли целые созвездия электрических ламп. Софии показалось, что она вошла в библиотеку, только более величественную и упорядоченную, чем верхняя. Во всяком случае, кругом были сплошные книжные стеллажи, а два крепких деревянных стола посередине выглядели так, словно за ними постоянно работали. Пахло старой бумагой, полированным деревом и электрическими разрядами. Толстый ковер, постеленный на полу, скрадывал звук шагов. В одном уголке было устроено что-то вроде гостиной: там стояли диван и два кресла. Большая часть помещения, однако, представляла собой нечто среднее между

картографической мастерской и музеем. У задней стены была установлена длинная стеклянная горка, заполненная диковинными предметами. Ближе находились четыре большущие дубовые конторки, каждая – с десятками невысоких выдвигаемых ящичков.

А что самое странное и удивительное – помещение содержалось в чистоте и порядке. Каждая вещь – на своем месте.

София остолбенела у порога и только крутила головой. Она все не могла поверить, что потайная комната существует наяву.

– И давно это здесь? – наконец выговорила девочка, и в ее голосе звучало потрясение. – А почему тут все так аккуратно?

Шадрак рассмеялся:

– Дай-ка я тебе кое-что расскажу из фамильной истории... Такое, чего ты не знаешь. Твой дедушка, мой отец, был смотрителем музея при университете. А также исследователем...

София кивнула. Это ей было известно.

– Отец посвящал свое время не только присмотру за музеем, он также ездил в экспедиции по разным эпохам, добывая всякую всячину для университетского собрания...

София снова кивнула. Пока ничего нового Шадрак ей не сообщил.

– Так вот, из поездок он, как ты понимаешь, привозил кое-что и для себя. Отец был неистовым коллекционером, и этим все сказано. Опять же во время посещения различных эпох ему дарили подарки. Когда он возвращался, купленные для музея вещи отправлялись по назначению, а личные приобретения – сюда. Постепенно у отца оформился свой частный музей.

– А зачем секретная дверь? – спросила София.

– А ее сначала и не было. Сперва ему требовалось прохладное помещение, куда не попадал бы прямой солнечный свет, чтобы ничто не повредило собранию. Позже о его коллекции пошла слава, люди стали приезжать со всего Нового Запада... И каждый хотел что-нибудь купить. Надо ли говорить, что у отца и в мыслях не было что-либо продавать, но другие собиратели, да и обычные торговцы становились все назойливее. В конце концов отец, безопасности ради, распустил ложный слух, что-де пожертвовал коллекцию музею... а тем временем соорудил наверху книжный шкаф, перегородив вход. Это, конечно, потребовало времени, но настырные покупатели понемногу отстали.

– И все прямо так и забыли, что собрание существовало?

– Ну почти все. Когда я, – продолжал свой рассказ Шадрак, – начал изучать картологию, отец предложил мне держать самые ценные карты и инструменты здесь, в подвале. И при этом потребовал от меня исполнения целого списка правил... – Шадрак невольно скривился. – Одно из них касалось порядка. Со временем у меня появлялись все новые карты и приспособления, которые хотелось спрятать подальше от посторонних глаз... После кончины отца я переоборудовал подвал, превратив музей в картографическую мастерскую. Так эта комната и приобрела свой нынешний вид. И конечно, для посторонних ее существование – тайна, что объясняется характером моей работы. Большею частью она секретная, поэтому я вынужден скрывать свою деятельность – даже от тех, с кем делю кров.

Последние слова он произнес извиняющимся тоном.

– А кто еще знает? – спросила София.

На его лице неожиданно промелькнуло что-то подозрительно похожее на боль, взгляд темных глаз стал отрешенным. Продолжалось это, однако, лишь мгновение.

– Из ныне живущих – очень немногие. Мои ученики и даже коллеги по университету понятия не имеют о моей работе. И миссис Клэй не знает. Другое дело Майлз. И твои родители, конечно. Сколько замечательных часов мы здесь провели, планируя их экспедиции!

Значит, вот на этих самых стульях некогда сидели с Шадраком ее папа и мама... София воочию увидела, как они склоняются над столами, рассматривая карты иных эпох, как с живостью обсуждают дороги, припасы и тонкости чужеземных обычаев...

– Какой беспорядок воцарился здесь перед каждой поездкой! – улыбнулся Шадрак. – Вот здесь... – Он подвел девочку к большой потрепанной карте, приколотой к стене над спинками кресел. – Здесь обыкновенно все начиналось.

Это была карта мира, усеянная булавками с головками разных цветов.

– Когда они уехали, оставив тебя на мое попечение, – тихо продолжал Шадрак, – я как мог отслеживал их передвижение. Вот это – намеченный путь...

Он показал ей цепочку синих булавок, протянувшуюся через Атлантику и далее через Папские государства в глубину Срединных путей. Причина спешного отъезда родителей была Софии отлично известна, но все видится по-иному, когда смотришь на карту.

– Записка от нашего друга Касаветти содержала намек на то, что, изучая неведомую эпоху вот здесь, в Папских государствах, он угодил в плен. – Шадрак указал соответствующую булавку. – Касаветти знал те места как свои пять пальцев, но, похоже, натолкнулся на что-то неведомое – и явно опасное. Твои родители поспешили на выручку Касаветти, чтобы освободить его и вернуться... Мне, впрочем, плохо верится, что они сумели добраться до места назначения. Видишь зеленые булавки? Они отмечают места, где, согласно сообщениям, побывали твои папа и мама.

Зеленые головки были разбросаны по всему миру. В Северных Снегах, в Пустошах, в Россиях и даже в Австралии.

– Знакомые путешественники годами передавали мне новости. Немногие из них утверждали, будто видели твоих родителей своими глазами. Так – слухи, толки, отрывочные сведения... Я, как ты понимаешь, не пренебрегал ни полсловом, пытаюсь отследить их маршрут и осмыслить его. Но, сама понимаешь, это оказалось невозможно... – Он указал на россыпь зеленых точек, которая говорила сама за себя. – А потом и слухи прекратились.

Некоторое время они стояли в молчании, разглядывая утыканную булавками карту.

– Но ты должна знать, София, – снова заговорил Шадрак, – что, несмотря на это, я не утратил надежды. Но мне не хотелось ехать на поиски без тебя, а брать с собой маленького ребенка было немислимо. И пока ты подрастала, я изучил все, что только мог, о местах их пребывания. Я терпеливо ждал, пока ты достаточно повзрослеешь, чтобы поделиться с тобой этими знаниями. И отправиться искать их – вместе...

София ошеломленно взирала на зеленые точки, раскиданные по всему миру.

– Искать их?.. – повторила она.

– Повторюсь, я, по возможности, собирался выждать еще несколько лет, – продолжал Шадрак. – Обстоятельства, однако, распорядились иначе. Нам с тобой нужно планировать путешествие прямо сейчас, чтобы успеть выехать прежде, чем границу наглухо перекроют извне и снаружи. У нас несколько недель осталось на все дела. Эту комнату с собой не возьмешь, поэтому надо будет уложить необходимое вот сюда...

И он постучал себя пальцем по виску.

София обвела взглядом комнату, а потом вновь уставилась на дядино лицо, светившееся

решимостью и надеждой. Она в восторге спросила:

– С чего мне начать?

Шадрак улыбнулся в ответ, в глазах появилось выражение, очень похожее на гордость.

– Я так и знал, София: ты готова! – Широкая ладонь бережно опустилась на ее плечо. – Для начала тебе придется призвать на помощь свое замечательное терпение. Первые шаги к тому, чтобы стать картологом и исследователем, даются не скоро и не легко...

– Я смогу, – горячо заверила она. – Я умею быть усидчивой.

Шадрак рассмеялся:

– Тогда я начну урок прямо сейчас! Перво-наперво – небольшой экскурс по комнате. – Он подошел к деревянным столам. – Вот здесь я составляю карты...

Мимходом София отметила про себя, что обитая кожей столешница была сплошь в царапинах и проколах.

– А здесь, на полках, – книги, слишком ценные либо опасные, чтобы держать их наверху... – Шадрак показал Софии несколько томов странной формы и необычного размера, потом подвел ее к одной из конторок. – Эти фолианты потом посмотрим. Сейчас взгляни-ка сюда. Здесь, в горке, хранятся поистине прекрасные вещи... Это сокровища, доставленные из других эпох. Некоторые привезены мне твоими родителями.

Он наставил палец на высокий металлический цилиндр, усеянный крохотными самоцветами.

– Это устройство для чтения карт, такими пользуются в Патагонии, – пояснил он с гордостью.

Подле цилиндра красовалось нечто, напоминавшее обычную морскую раковину.

– Вот поисковая раковина из южных морей. А это... – за стеклом лежало что-то плоское, блестящее, как воск, и покрытое яркими картинками, – это лесная карта из Папских государств.

София сразу представила себе лесную карту, лежащую на аналое в скудно освещенном чертоге, который полон ароматного дыма от ладана и свечей. А сколько еще удивительного и непонятного хранилось здесь за стеклом!

– Так это все карты?... – потрясенно спросила она.

Глаза Шадрака блеснули.

– В том-то и суть! Нам с тобой они представляются непременно рисунками на бумаге. Всякие там линии, символы, надписи. – (София кивнула.) – В действительности же карты какими только не бывают! Экземпляры, созданные в иных эпохах, нисколько не похожи на наши. И знаешь что? Я осмелюсь предположить, что твои родители сбились с дороги, потому что не сумели прочесть карт эпохи, в которую угодили. Кое-что им, конечно, было известно, но они слишком понадеялись, что обычные бумажные карты укажут им правильный путь... – Он вздрогнул, как от боли. – И я тоже полагал, что старый, испытанный способ ориентирования на местности не подведет... Так вот, если мое предположение верно, на свете есть места, которые просто невозможно пройти без карт местного изготовления, а это требует очень нетривиальных познаний. Картологического мастерства здесь недостаточно. Нужно приспособить свое мышление к совершенно иной картографической системе, весьма отличной от той, к которой мы привыкли...

София смотрела на него, не в силах понять.

– Значит... надо самому научиться их делать? Другие карты?

– Ради этого моя комната и существует, – ответил он. – На Новом Западе в ходу

бумажные карты, а ведь использовать можно все, что угодно. Камень, дерево, песок, металл, ткань, кожу, стекло... да хоть кусок мыла или лопух покрупнее. Каждый составитель карт работает по-своему, в зависимости от того, где он живет и в какой эпохе родился. Кое-кто, подобно мне, старается постичь картологию иных эпох.

– Мои родители этого не сделали, – тихо проговорила София.

– Отчего же, кое-что о других системах они знали. Только этого оказалось слишком мало. Быть может, они очутились где-то вдалеке от эпох, где пользуются бумажными картами, и у них под рукой была только песчаная. Что, если они не смогли в ней разобраться? – Шадрак решительно тряхнул головой. – Это больше не повторится! Мы с тобой постигнем все мыслимые системы и будем готовы к любому повороту событий!

София взволнованно спросила:

– А какие ты знаешь иные системы?

Шадрак подвел ее к обширным дубовым конторкам.

– Помимо бумаги, на которой зиждется вся картология нашей эпохи, я изучил творение карт из четырех основных материалов: металла, стекла, ткани и глины.

При этих словах он выдвинул один из ящичков ближайшей конторки и, бережно придерживая за края, вытащил блестящую прямоугольную металлическую пластину размером не более обычного бумажного листа. На уголке было выбито: «Бостон, 1831, февраль» – и рядом крохотный значок: горная цепь, воздвигнутая на измерительную линейку. Остальная площадь пластины выглядела совершенно пустой.

– Пускай чуть-чуть полежит, – сказал Шадрак, укладывая пластинку на кожаную столешницу.

Он открыл ящик другой конторки и достал плоский кусок стекла примерно такого же размера. Он тоже был совершенно чистым, если не считать отметки места и времени – «Бостон, 1831, февраль» – и уже знакомого символа, выгравированного в уголке.

– Но ведь там и там ничего нет, – удивилась София.

– Немножко терпения! – отозвался Шадрак, роясь в ящиках третьей и четвертой конторки.

Скоро в руках у него появились тонкая глиняная табличка и квадрат льняной ткани. На вид они отличались лишь тем, что на глине угловая отметка была выдавлена, а на ткани – вышита.

Все четыре предмета Шадрак разложил на столе и не без гордости оглядел.

– Вот, – сказал он. – Четыре разные карты одного и того же местовремяположения.

София напряженно сдвинула брови:

– Местовремяположения?..

– Одно и того же сочетания места и времени.

– Так это карты? А почему на них ничего не видно? Это же просто чистые прямоугольники!

Шадрак шагнул к одному из книжных шкафов и провел пальцем по корешкам. Нашел нужную книгу, снял ее с полки и начал листать.

– Смотри! Тебе примерно такое представляется?

Раскрытая книга легла на стол. София взгляделась и увидела карту, озаглавленную «Город Бостон». Она сразу узнала знакомые очертания города с ближайшими окрестностями, водными артериями и главнейшими дорогами, обычными и железными.

– Да, – кивнула она. – Это карта.

– А что бы ты сказала, начни я тебя уверять, будто каждый из этих, по твоему выражению, «чистых прямоугольников» содержит в сто раз больше сведений, чем бумажная карта из книги? Ибо они отражают не только земное пространство, но и время, имеющее отношение к Бостону в феврале тридцать первого года!

София наморщила лоб:

– Ты имеешь в виду мою манеру «картографирования» в рисовальном альбоме?

– Да, это в самом деле очень похоже на твой остроумный способ улавливать время с помощью слов и рисунков на бумаге. Только в этих предметах – не наброски и даже не образы мира, а живые картины происходившего в том месте, в то время. Тебе покажется, что ты действительно там оказалась!

София так и ахнула от изумления:

– Как такое возможно?

– Твердо обещаю, – улыбнулся Шадрак, – попрактиковавшись, ты сумеешь не только прочесть любую карту, хранящуюся в этих конторках, но и свои научишься создавать. Садись. – Он пододвинул племяннице стул. – Ну-ка, попробуй.

София уселась и с деятельным нетерпением уставилась на лежавшие перед нею четыре прямоугольника.

– Как по-твоему, что надо сделать сначала?

– Разве ты не будешь мне подсказывать? – Она удивленно вскинула брови.

– Подсказки свели бы на нет весь мой замысел, – снова улыбнулся Шадрак. – Помнишь, я говорил, что умения здесь недостаточно? Нужно настроиться на иной образ мышления. Если я тебе объясню, что к чему, ты просто запомнишь, как это делается. А если сообразишь сама, научишься применять принцип. Когда прибудем в другую эпоху, нам обоим понадобится вся изобретательность, на какую мы способны. Зубрить здесь без толку.

– Но я же понятия не имею, как...

– А я, – сказал Шадрак, – тебя и не тороплю. У тебя развитое воображение, значит догадаешься.

Я лишь поясню тебе, с чего начать. В этом вся суть нашего первого урока, посвященного бумаге. – И он сел на соседний стул. – Бумажные карты недаром ценятся во многих эпохах. Они долговечны, неизменны – и понятны любому, взявшему их в руки. Это, конечно, весьма полезные свойства. Карты же иного рода более трудны для чтения и зачастую крайне уязвимы, зато куда лучше работают и надежнее сохраняют секреты. Качества, как ты понимаешь, взаимосвязанные. Бумажная карта всегда к твоим услугам, другие же большую часть времени, скажем так, находятся в спящем состоянии. Иногда, представь себе, их нужно будить, и только тогда они могут быть прочитаны!

София тряхнула головой. Сколько всего нового – и чем дальше, тем непонятнее!

– Поверь, тебе это пригодится... – сказал Шадрак, поднимаясь, и направился к двери. – Пойду доканчивать письма, касающиеся документов миссис Клэй... Надо их отправить с утренней почтой. И еще нужно справиться, как там Карлтон. – Он подмигнул. – Вернусь – проверю, что у тебя получилось!

Оставшись одна, София набрала полную грудь воздуха и еще раз обвела взглядом предметы, разложенные перед ней на столе. Книгу она трогать не стала, сосредоточив свое внимание на четырех «чистых прямоугольниках». «Бостон, 1831, февраль», – гласила надпись на каждом, в уголке справа внизу. Что говорил Шадрак о том, что некоторые карты нужно сперва разбудить? И каким образом карты отображали не только место, но и время?

Возможно ли такое вообще?..

София нерешительно потянулась к металлической пластине, взяла ее в руки. Она холодила ладонь, но казалась на удивление легкой. Девочка увидела на буровато-желтой полировке собственное отражение... Но это было все, что ей удалось разглядеть, сколько она ни напрягала глаза.

Отложив пластину, София взялась за глиняную табличку. Ее обратная сторона была такой же чистой, как и лицевая. А вот стеклянная пластинка оказалась не настолько прозрачной, как ей показалось сначала. Но и тут оставалось только пялиться в молочно-мутную толщу, наблюдая, как проступают в ней собственные смутные черты... В самую последнюю очередь София взяла льняную ткань и поднесла к лицу, держа за уголки.

– Что у тебя внутри, платочек? – пробормотала она. – Скажи что-нибудь, что молчишь? Проснись, слышишь? Ну-ка, проснись...

Ответа не последовало. У Софии вырвался разочарованный вздох. Клочок льна затрепетал от дыхания, а когда она положила его на стол – кое-что произошло.

Поверхность лоскута стала меняться. На ней начали сами собой медленно возникать линии. У Софии округлились глаза. Края «платочка» украсились завитками, а посередине обнаружилась карта...

5. Учимся читать

15 июня 1891 года, 9 часов 22 минуты

После Разделения минули целые десятилетия, прежде чем картология утвердилась на Новом Западе как важнейшее из научных направлений. Зато, вобрав в себя сферу истории и став неотъемлемой частью государственной программы исследований, она прочно заняла место в авангарде науки. При этом изучение практической картологии иных эпох оставалось дисциплиной узкоспециальной и даже периферийной...

Шадрак Элли. История картологии

София уронила лоскут на стол и помчалась к лестнице.

– Дядя Шадрак, посмотри! – закричала она. – Там такое!..

– Иду, – отозвался он сверху. – Ну-ка, ну-ка...

Она побежала обратно к столу, желая убедиться, что карта никуда не делась. Рисунок был по-прежнему на своем месте. Вот они, тонкие, цветные, словно перышком вычерченные линии. Легенда была представлена двумя бледно-голубыми циферблатами справа. На первом были цифры от одного до двадцати восьми, на втором – самые обыкновенные часовые деления. Посередине куска ткани вилась тонкая и сложная сеть зеленых и коричневых линий, сплетавшихся в знакомые очертания Бостона. Карту обрамлял узор, выполненный золотом. Завитки, таинственные символы...

– Ну и как ты это обнаружила? – спросил Шадрак, подсаживаясь к племяннице.

Он принес с собой стакан воды, который поставил на почтительном удалении от карт.

– Я... я не уверена. Кажется, я на него подышала...

– Что ж, неплохо для начала. – Дядя улыбнулся и потер подбородок. – Мы многое случайным образом открываем... Матерчатые карты реагируют на воздух, будь то ветерок, буря или дыхание. Причина же в том, что они являются погодными картами. То есть на ткани можно изобразить что угодно, но наилучшим образом она будет показывать изменения погоды. Эта, например, отражает метеоусловия в Бостоне в феврале тридцать первого года...

– А выглядит как обыкновенная карта, – сказала София. – Вон те линии – они обозначают погоду?

– Это невозможно прочесть, пока не назначены день и час, – ответил Шадрак.

И он указал на циферблаты легенды. Между прочим, стрелок на них не было.

– Так это дни и часы? – догадалась София.

– Верно. Выбери что-нибудь.

– А как?

– Самым традиционным образом – пальцами. Можно, однако, использовать любые предметы – бусы, булавки... да что угодно. Мне, к примеру, нравится вот это...

Он потянулся к ящику конторки и вынул небольшую кожаную коробочку. Внутри лежали ничем не примечательные голыши. Не больше ноготка величиной, гладкие.

– Ясно! – обрадованно воскликнула София и положила один камешек на цифру «восемь» дневных делений, а другой – на девятку почасового циферблата.

Ничего не произошло.

– Девять утра восьмого февраля тысяча девятьсот тридцать первого года, – пробормотал Шадрак и отпил воды.

София прищурилась, изучая карту.

– Ничего не происходит!

Шадрак наградил ее пристальным взглядом:

– Прежде чем ты увидишь погоду, которая стояла восьмого февраля, дай-ка я объясню тебе принципиальную разницу между этими картами и теми, к которым ты привыкла. Это карты памяти. В них запечатлено не только мнение о данном месте и времени одного отдельно взятого картолога – они хранят совокупные воспоминания реальных людей, то есть историю. Просто одни карты отражают впечатления одного человека, а другие – то, что могли бы рассказать многие. В этой, например, заключены реминисценции сотен людей, проживавших в Бостоне в феврале тридцать первого года.

– И как такое получается? – выдохнула София.

– Это ты постигнешь, когда будешь учиться сама карты делать. Заранее скажу лишь, что исследовательской работы здесь хватает. Сейчас постарайся понять вот что: чтение подобной карты – все равно что приобретение воспоминаний. Ты будешь переживать жизненный опыт тех людей, которые были очевидцами событий.

У Софии округлились глаза.

– А можно попробовать прямо сейчас?

Шадрак нагнулся над картой, не снимая рук со стола.

– Можешь показать мне Бостонские общественные земли? Видишь их на карте?

София даже фыркнула:

– Проще простого!

И прижала пальцем зеленый пятиугольник в правой части лоскута.

Стоило коснуться ткани, как в памяти буквально сверкнуло. Воспоминание было таким ярким и красочным, словно принадлежало ей самой. Она увидела общественный луг при свете раннего утра, над головой летели облака. Пейзаж кругом выглядел несколько нечетким, размытым, зато откуда-то всплыли ощущения резких ударов холодного ветра и сырости, витавшей в воздухе. По спине даже озноб пробежал. София ахнула и оторвала палец от карты. Картинка сразу начала меркнуть.

– Ух ты! – вырвалось у нее. – Все как наяву.

Я как будто в самом деле вспомнила.

Шадрак с довольным видом откинулся на спинку стула.

– Да, – сказал он. – Это соответствует замыслу. Так эти карты и работают.

– Но чьи же это воспоминания? И кто их туда заложил? Ты?

– Как тебе сказать... И да и нет. Я разузнал, кто был в тот день в том месте и что именно запомнил, ведь карта включает в себе лишь сведения, известные ее составителю. Это же не всевидящий глаз какой-нибудь... А воспоминания исходят от реальных людей, живших в то время, когда я делал карту. Ну и письменные мемуары в ход пошли...

– Все равно не пойму, как же они в карте-то оказались?

Шадрак помолчал, потом ответил:

– А помнишь рисунок в комнате твоих родителей? День свадьбы Минны и Бронсона?

София подняла на него глаза:

– А я и не знала, что их в день свадьбы нарисовали...

– И тем не менее. Тебе никогда не казалось, что этот портрет несколько отличается от остальных? Выглядит... более живым, что ли.

– Казалось, – медленно проговорила София. – Но я думала, все дело в моем воображении. Я, когда была маленькой, рассматривала этот рисунок и так ясно их вспоминала.

– Не просто рассматривала – трогала, – поправил Шадрак. – Во время рисования я, видишь ли, использовал техники, которые применяю при составлении карт... Естественно, отчасти. Статичный портрет обладает лишь долей могущества, присущего карте. Тем не менее принцип тот же.

София тряхнула головой, по-прежнему ничего не понимая.

– Все равно неясно, каким образом в рисунок память вплетается! Как ты это делаешь?

– Если в самых общих чертах... Я посетил каждого человека, зафиксировавшего в памяти нужный момент, и попросил уложить соответствующие воспоминания во вместилище. Вернувшись домой, я погрузился в них, а их были сотни... Потом применил свои знания о ветрах, температуре воздуха и солнечном свете. Это помогло мне рассортировать информацию, расставив все по надлежащим местам во времени и пространстве.

– Во вместилище? В коробочку, что ли?..

– Нет, конечно. Вместилищем была сама ткань. Ты сегодня прочла карту благодаря прикосновению – она и была создана с его помощью. Воспоминания принадлежали людям, касавшимся материи, я же занимался приведением их в осмысленный порядок. Картолог ведь и должен превращать попавшие к нему данные в понятный, пригодный для чтения документ. – Шадрак улыбнулся. – Когда перейдем к практике, все сразу станет гораздо понятнее. Сосредоточься пока на чтении!

– Тогда выберу еще какое-нибудь время, – сказала София.

Она передвинула камешки на восемь пополудни двенадцатого числа. Вновь опасливо притронулась пальцем к знакомому пятиугольнику... и немедля «вспомнила» то, чего никогда не происходило в реальной жизни: она стояла посреди общественного луга, была середина вечера, в воздухе густо кружились снежинки... В небе серебрились облака, стояла стужа. Снег плыл над землей колышущимися пеленами, словно развеваемыми чьим-то дыханием.

– Чудеса, да и только! – отнимая палец, произнесла София. – Поверить не могу!

– В самом деле, неплохая карта получилась. – В голосе Шадрака прозвучали едва заметные нотки гордости. – Еле собрал данные по последним дням месяца: очень немногие, как оказалось, помнили тогдашнюю погоду... – И он указал рукой на три оставшиеся карты. – А с этими что-нибудь получилось?

– Нет пока.

– Ладно, давай вместе разбираться.

Шадрак собрал камешки, поднял клочок ткани и бережно перевернул. Когда он вновь положил его лицевой стороной кверху, тот был чист, как прежде, – сохранилась лишь пометка, вышитая в углу.

– Как дела с глиняной табличкой?

София с некоторым сомнением взяла ее в руки. Осторожно подула... Никакого эффекта.

– Ну, даже не знаю, – проговорила она, хмурясь.

– Информацию на ткани проявило твое дыхание, – сказал Шадрак. – Оно было ключом к карте: создало движение, побуждающую силу, послужило катализатором. В общем, разблокировало ее. Как, по-твоему, следует воздействовать на глину – кусок земли?

София молчала целую минуту, погружившись в напряженные размышления. Потом ее осенило.

– Я поняла!

Шадрак поднял брови:

– И чем же?

– Дай мне свой стакан!

Он передвинул его по столу. София обмакнула палец в прохладную жидкость, занесла его над глиняной табличкой и уронила на нее всего одну каплю. Поверхность начала незамедлительно меняться. На ней стало возникать тонкое плетение линий: проявлялась карта.

– Угадала! Угадала!

– Молодец, – похвалил Шадрак. – Земля отзывается на присутствие воды. Что ж, выбирай дату и время!

В левой стороне карты имелась легенда вроде той, что и на льне. София обозначила камешками десять часов пятнадцатого числа, то есть полдень пятнадцатого февраля. И стала рассматривать карту. Паутина линий гуще всего опутывала городской центр, а на окраинах становилась реже и постепенно исчезала.

– Глиняные карты – топографические, – раздался голос Шадрара. – Они показывают земную поверхность: холмы, поля, леса, реки. В данном случае, полагаю, зрелище городского центра может немного сбить с толку. Попробуй сельскую местность.

Он указывал на западную окраину Бостона, где расстились зеленые пространства и почти не было линий.

Предвкушение заставило Софию задержать дыхание. Она коснулась карты... В памяти тут же всплыло зрелище холмов, мягкими волнами катящихся вдаль. Поодаль блестел небольшой пруд, дальше виднелся фруктовый сад с облетевшей листвой. София убрала палец, притушив яркость воспоминаний.

– А что будет, если я стану двигаться?

– Попробуй – увидишь.

Она осторожно повела пальцем по карте. Картины сменяли одна другую. Перед мысленным взором возникли сосновые леса и земля внизу, густо усыпанная опавшими иглами. Появилась длинная дорога, обсаженная голыми кленами. Берег замерзшего ручья, кучи сухих листьев...

– Красота! – сказала София. – Столько разных мест, да так подробно!

– Глиняные карты обычно не сопряжены с быстрыми скачками во времени, – заметил Шадрак. – В данном конкретном случае местность в течение месяца менялась не сильно. Соответственно, у меня было больше времени поработать над деталями пейзажа.

– Как хочется скорее другие посмотреть! – улыбнулась София. Убрав голыши, она бережно перевернула глиняную карту лицевой стороной вниз и взялась за металлическую пластинку. – Кажется, здесь пригодились бы спички... – И вопросительно посмотрела на Шадрара: – Правильно?

Тот молча сунул руку в карман и вытащил коробок.

София чиркнула спичкой и поднесла ее к пластине. Оранжевый огонек вытянулся вверх и разбежался по отливающей медью поверхности. София бросила спичку в стакан с водой, глядя, как в центре пластины проявляются четкие серебристые линии. Эта карта выглядела не нарисованной, а скорее выгравированной на металле, каждая черточка блестела ручейком ртути. Немного полюбовавшись делом своих рук, София стала нетерпеливо раскладывать камешки на циферблатах.

– Тут я порекомендовал бы кое-что поточнее, – поднимаясь из-за стола, сказал Шадрак. Направился к той же конторке, где хранились камешки, и вернулся с длинным пером. – Вот, кажется, это достаточно остро заточено. С очень подробными картами бывает трудновато управляться лишь кончиком пальца. Попробуй отметить пером точку поменьше!

– А общественные луга еще раз можно проверить? – нерешительно спросила она.

– Конечно. Давай!

София нацелилась перышком в уголок Бостонского земельного надела... и тут же «вспомнила», как стояла на пересечении Чарльз-стрит и Маячной, между лугом и садом. Окружающий пейзаж снова показался ей немного размытым, зато кирпичные дома вдоль Маячной улицы проявлялись в мельчайших деталях. Домов в городском центре было меньше теперешнего. София со всей ясностью увидела улицу на всем ее протяжении, церковь на Парковой и здание палаты представителей на вершине холма. Она повела пером вдоль Маячной, направившись к западу. Дорога разворачивалась перед умственным взором, дома мелькали один за другим, возникая словно из тумана. Мимо Софии проплывали шили церквей, особняки центра и кирпичные домики поскромнее, постепенно сменившиеся маленькими фермами на бостонских окраинах. Вот с удивительной четкостью прорисовалась красная стена таверны, низкая деревянная дверь...

София отняла перо.

– Красота! Просто красота, дядя Шадрак! Неужели это правда ты сотворил?

– А не найти ли тебе улицу Ист-Эндинг? – ответил он.

Перо в руке девочки зависло над южным районом города...

– Вот она! – воскликнула София. – Вот наша улица!

Острие снова коснулось карты. Тут же наплыли чужие воспоминания: кое-каких домов не доставало, а иные было трудно узнать. Там и сям – свежая кладка и двери, окрашенные по-другому... Потом впереди замаячило что-то очень знакомое, и София поняла, что стоит перед родным домом. Он выглядел почти таким же, как и теперь. Крепким, полным достоинства, с белыми ставнями и железной совой, пристроившейся над ярко-красной дверью. Не хватало лишь овального знака да плюща, заполонившего стены.

– Наш дом! – вскрикнула София.

Шадрак негромко рассмеялся.

Некоторое время София вглядывалась в чьи-то воспоминания о своем доме, потом стала исследовать другие места. Вот школа, вот любимый уголок у реки... Несколько минут она увлеченно возилась с картой, затем отложила перо.

– Значит, матерчатая карта показывает погоду, – медленно проговорила она. – Глиняная – землю, а металлическая – дома...

– Искусственные постройки, – уточнил Шадрак. – Не только дома, но и дороги, железные и обычные, мосты и тому подобное. Все, что возведено человеческими руками.

– Человеческими руками, – повторила София. – Понятно. А что нанесено на стеклянную карту?

Шадрак поднял брови:

– Вот ты мне и скажи. Чего недостает в воспоминаниях, которые ты видела?

София сосредоточенно уставилась на стеклянную пластинку. Взяла в руки и стала рассматривать, но, как и прежде, увидела лишь свое смутное отражение. Потом ее осенило. Но догадка была столь чудесной, что девочку одолели сомнения.

– Наверное... людей?

– Попробуй и убедись, – сказал Шадрак.

– Только что-то я не пойму, как разбудить карту.

– Правильно, эта из числа самых непростых.

И в подвале с ней тяжелоовато поладить. – Он поднялся. – В других местах, как правило, имеется окошко с дневным освещением, а карту держат завернутой. Поднеси ее к лампе!

– Ух ты! – воскликнула София. – Свет!..

Она взяла стекляшку и подошла с нею к дяде, стоявшему возле кресел в углу. Пластинку озарили яркие лучи – и по гладкой поверхности тотчас разбежались тонкие белые линии, напоминавшие морозный узор на окне.

Шадрак взял карту у Софии и поднял повыше.

– Стеклянные карты, – сообщил он, – отображают человеческие деяния, человеческую историю. Первое знакомство может произвести странное впечатление... Ты «вспомнишь» людей, которых никогда не видела, разговоры, которых не вела... Нужно четко отличать свои собственные воспоминания от посторонних. Со временем ты научишься и этому. Что ж, я знаю наверняка, что эта карта ничего пугающего не содержит. Ты можешь безбоязненно наслаждаться ее памятью.

Он вернулся к рабочему столу и уложил пластину лицевой стороной вверх. Потом разместил камешки на обоих циферблатах легенды, выбрав цифру десять.

– Ну, бери перышко! – подбодрил он Софию.

Девочка наморщила лоб. Погружаться в глубины именно этих воспоминаний ей странным образом не хотелось.

– Давай, давай, – сказал Шадрак. – К примеру, вот здесь, возле рынка...

София подвела перышко к рынку Квинси и коснулась стекла. Тотчас же неудержимым потоком хлынули впечатления. Повсюду кругом – людской говор, смех, громкие возгласы, шушуканье вполголоса... Женщина, стоявшая рядом, тщательно пересчитывала деньги. Мимо прошел мальчишка с полной коробкой оранжерейных цветов, София тут же почувствовала их густой запах. Она увидела, как дыхание вырывается изо рта облачками белого пара. Вот мелькнуло сонное лицо фермера, приехавшего с телегой картошки откуда-то издалека. Все было таким ярким, словно она в самом деле там когда-то была. Правда, картинки имели отношение только к людям. Городская обстановка и даже земля под ногами оставались нечеткими.

София оторвала перо от стекла и сморгнула.

– Странно как-то, – проговорила она. – Людей я вроде помню... и больше ничего. Даже не пойму, где это происходит!

– Знаю, – отозвался Шадрак. – Непривычно видеть себя вне окружающей среды. – И он отодвинул стеклянную пластинку подальше. – Теперь я покажу тебе, ради чего вообще возился. Право же, оно того стоило.

Взяв карту-лоскуток, он подул на нее и уложил на стол, будто для чтения. Кончиком пальца сбрызнул водой глиняную табличку и поместил на ткань край в край. На глину легла

металлическая пластинка – там еще просматривался рисунок. И поверх всего Шадрак водрузил стекло, где камешки по-прежнему отмечали десятое число и десять часов.

– Попробуй, – предложил он племяннице.

София взяла перо и стала смотреть сквозь стекло. Внизу были хорошо видны серебристые линии металлической карты. Вздохнув поглубже, девочка навела перо на перекресток Чарльз-стрит и Маячной.

И перед ней во всей полноте предстал мир, каким он был десятого февраля тысяча восемьсот тридцать первого года. Люди торопливо шли по дорожкам общественного луга, притопывая от стужи, голые ветви деревьев покачивались на фоне серого неба. На льду замерзшего пруда вычерчивали фигуры конькобежцы. Прохожие спешили туда-сюда с корзинами для покупок, некоторые ехали на велосипедах; резиновые колеса вращались совершенно беззвучно. В окнах домов двигались силуэты: кто-то ел, кто-то болтал, работал, валялся в постели...

София как будто нырнула в иной мир – свой собственный, но все равно незнакомый. Она понимала, что в ее голове проносятся чужие воспоминания, но по жизненности они нисколько не уступали ее собственным. Она вздохнула и убрала перо.

– Мне бы такую ясную память, – сказала она. – Я все помню какими-то обрывками... А здесь совершенная картина.

– Это у всех так, – пояснил дядя. – Поэтому полезно строить карты послойно. Мы не можем все удержать в голове. Скажу тебе даже больше: человеческая память схватывает на удивление мало подробностей. Однако, когда начинаешь совмещать воспоминания разных людей об одном и том же предмете, мозаика складывается и оживает.

Тогда София высказала вслух то, что было у нее на уме с первого же момента, когда она поняла назначение стеклянной карты.

– А как ты думаешь, дядя... возможно ли, что мама с папой где-нибудь оставили свои воспоминания, заключив их в подобную карту?

Шадрак провел рукой по волосам.

– Вероятность есть, – проговорил он медленно. – На момент отъезда из Бостона твои родители не умели составлять карты памяти. Но кто сказал, что они не могли научиться?

София добавила:

– Или кто-то другой мог сделать карту, в которой их можно увидеть.

– Отличная мысль, София! Даже мимолетное воспоминание, запечатлевшее их, оказало бы нам бесценную помощь... Ты поймешь, о чем я говорю, если посмотришь сейчас на эту улицу и наш дом.

София немедленно прижала перышко к стеклу. Перед нею снова предстал серый день; холодный сырой ветер гнал низкие облака. Улица казалась пустынной. В окошках, несмотря на полдень, виднелись слабенькие огоньки свечей – непогожее небо давало слишком мало света. Красная дверь, так хорошо знакомая девочке, была закрыта. Она пригляделась к окнам верхнего этажа и увидела за стеклом юношу. Он что-то увлеченно читал, сидя за столом и подперев рукой подбородок... Неожиданно воспоминание стало еще ярче, словно кто-то отдернул вуаль. Юноша в окне оторвался от книги. Повернулся и посмотрел прямо на нее. На Софию. Улыбнулся...

Девочка ахнула и подняла перо.

– Он посмотрел на меня! – взволнованно поделилась она с Шадраком. – Тот... за окном! Кто это был?

– Значит, ты его видела! – Дядя взял у нее перо, сам приложил к той же точке – и заулыбался воспоминанию. – Подумай хорошенько, и ты сообразишь, кто это был.

– Неужели дедушка?

– Да, твой дедушка. Мой отец.

– А почему он мне улыбнулся?

– Потому, что воспоминание принадлежало твоей прабабушке и моей бабушке Лиззи. Это она стояла на улице, а он улыбался ей из окна. – Шадрак отложил перо и вздохнул, отчасти тоскливо. – Чудесное мгновение, правда?

София испытала настоящее благоговение: она только что увидела мир глазами своей прабабки, женщины, которую она не застала на этом свете. Однако присутствовало и ощущение тревоги, неловкости, словно она невзначай подсмотрела что-то очень личное и ей вовсе не предназначенное.

– Чудесное мгновение, – медленно повторила она. – Только не мое. Это вправду хорошо – чужими глазами на все глядеть?

Взор Шадрара стал задумчивым.

– Ты задалась важным вопросом, София. Помнишь, о чем я только что тебе говорил? Важно знать, где кончаются твои собственные воспоминания и начинаются чужие. Учти такую вещь: люди не утрачивают впечатлений, которыми поделились с картой. Поделились, понимаешь? И это выводит нас на следующую проблему. Дело в том, что ничья память не совершенна. Делая эту работу, я постарался разузнать все, что только можно, о том месяце в Бостоне, от тогдашней манеры одеваться до строительства кораблей. Потом присовокупил добытые воспоминания к известным сведениям. Нельзя забывать, что карты, в том числе карты памяти, не являются идеально точными и представляют собой лишь более или менее подробные приближения. Рассматривай их как книги по истории: автор старается следовать истине, насколько это возможно, но зачастую опирается на разрозненные свидетельства, поэтому факты переплетаются с домыслами. Так, на самой лучшей карте отображается не стопроцентно объективная реальность, а скорее ее интерпретация, выполненная составителем, его, скажем так, авторская рука. А ведь любое толкование – не единственное...

– Дядя, – помолчав, сказала София, – означает ли это, что кто-нибудь может сотворить карту, которая вместо истинных событий показывает искаженные? То есть... лживую карту?

– Еще как может, – очень серьезным тоном ответил Шадрак. – Поступать таким образом – большое преступление. Поэтому все добросовестные картографы дают клятву работать честно. На картах памяти ты найдешь соответствующую отметку... – И он ткнул пальцем в изображение горного хребта на линейке, соседствовавшее с печатью места и времени в уголке каждой пластины. – Это Знак доверия, он ставится на тех картах, о достоверности которых может свидетельствовать их создатель... Впрочем, даже самый порядочный мастер не свободен от неточностей и ошибок. К примеру, – сознался он, – некоторые улицы на этой карте никто не мог вспомнить, скажем, в два-три часа пополудни того или иного числа. И кто поручится, что там в это время не произошло события, которое я обязан был бы зафиксировать? В этом смысле и моя карта является до некоторой степени ложной.

– Все равно, – сказала София. – Она просто невероятна. В жизни ничего прекраснее не видела.

Шадрак покачал головой.

– Мои карты – всего лишь труд новичка. Я видел экземпляры, по сравнению с которыми мои кажутся детскими каракулями. Скоро и ты познакомишься с великими образцами. Знаешь, мне доводилось читать карты памяти, в которых и затеряться недолго! Некоторые из них так велики, что в этой комнате не поместятся. Карты, созданные настоящими мастерами, воистину потрясают!

София от восторга так и подпрыгивала на стуле.

– Я их все прочитаю! Обязательно прочитаю!

Шадрак рассмеялся.

– Непременно прочитаешь – в свой срок. Однако тебе еще очень многому следует научиться, а времени у нас в обрез. Давай-ка я тебе покажу, как не путать секунды.

6. След из перьев

15–21 июня 1891 года

Нестрогие законы Нового Запада долгое время позволяли чужеземцам постоянно проживать в стране, игнорируя процедуру оформления гражданства. Прошения подавали только те из приезжих, кто собирался голосовать, завести свое дело или учредить акционерное общество. Четвертого июля миграционное законодательство изменится. От всех чужестранцев в обязательном порядке потребуют натурализации. Если вы приезжий и желаете жить и работать на Новом Западе, вам придется заполнить анкету и обратиться за получением документов и жизненных часов иммигранта. После четвертого июля все не имеющие нужных бумаг и часов будут подлежать немедленной депортации.

*Из Приложения к Патриотическому плану
«О гражданстве»*

Весь остаток дня София изучала карты Бостона на февраль 1831 года. Шадрак объяснял ей тонкости и сложности всех четырех слоев. Девочка научилась использовать перья разной толщины в зависимости от желательной степени точности. Постигла, как выйти на определенную минуту и даже секунду. Постепенно начала привыкать к восприятию потока чужих воспоминаний...

Стеклянная карта заставляла ее поживать. София чувствовала себя несколько сбитой с толку, когда перед ее мысленным взором представляли люди, которых она никогда не встречала; ей приходилось будто бы просыпаться в чужом теле. Однако, попрактиковавшись, она научилась отделять свои воспоминания от продиктованных картой. Последние были гораздо яснее и четче ее собственных.

А один аспект оказался для нее настолько естественным, что трудиться над ним почти не пришлось. Часы, минуты и секунды, заключенные в карте, могли течь быстрее или медленнее – в зависимости от того, в каком темпе она читала. Вот когда пригодилась ее способность то сокращать, то растягивать время! Обнаружив это свойство карт памяти, София очень обрадовалась и в своих воображаемых путешествиях чувствовала себя как дома даже в незнакомых местах.

На другой день Шадрак приступил к самому, на его взгляд, важному – начал преподавать Софии азы картологии иных эпох. Перво-наперво он объяснил ей, что эти образцы требовали особенного ухода: чтобы сберечь, их следовало содержать в чистоте и порядке. «Составление карт, – говорил Шадрак, – есть научное искусство, практикуемое во всех эпохах и в каждом уголке мира...» В частности, динамические, то есть дающие живые изображения, карты памяти были изобретены то ли в Пустошах, то ли в пределах Срединных путей. Никто не знал наверняка, но Шадрак полагал: породить их могло только перекрестье разных эпох, где настоящее, прошлое и будущее переплетались самым удивительным образом.

Сам Шадрак выучился составлять карты памяти в академии Нохтланда, благо гильдия картографов была там очень сильна. Изготовление и обращение карт подчинялись весьма строгим правилам. Каждый экземпляр, выпущенный в Нохтланде, в обязательном порядке снабжался значком, подтверждавшим его подлинность: в углу красовались горный кряж и линейка.

Обследовав дядино собрание карт памяти, София получила первое представление о чудесах картологии за пределами Нового Запада. Перед ней открылись уголки света, где она и не надеялась когда-либо побывать. Карты обладали весьма разным охватом. Одни включали всего несколько комнат, другие – целые города. В некоторых образцах могли содержаться воспоминания продолжительностью всего час или даже минуту, но встречались и годовые циклы. Например, Софии попала одна карта, запечатлевшая двадцать четыре часа в Альгамбре, что в Гранаде. Вторая зафиксировала год в столице России. Третья показывала четыре важнейших месяца восстания, повлекшего возникновение Нового Акана.

Изучая карты, София пришла к выводу, что при работе над ними имели значение лишь размеры и мастерство составителя. На третий день учебы она обратилась к Шадраку:

– Как ты думаешь, дядя... а карту памяти всего мира можно сделать?

Он странно посмотрел на нее и наконец ответил:

– Теоретически можно, но труд потребуется невероятный... Впрочем, ходят темные слухи, что где-то сокрыта Карта Всех Карт, вобравшая память мира от изначальных времен и до настоящего дня.

– Вот это да!

Шадрак напряженно свел брови:

– Многие исследователи посвятили свои жизни поискам Карты. Некоторые так и пропали, их следы затерялись.

– Но она существует?

– По всей вероятности, нет, – быстро ответил Шадрак. – Я всегда утверждал, что это всего лишь нигилизмийский миф. Безосновательный, но отвечающий конкретным целям.

– Нигилизмийский? Как же так?

Последователей этого учения в Бостоне, вообще-то, хватало, но София была с ним знакома лишь в рамках школьной программы. Между тем нигилизмийство являлось религиозной сектой – из тех, что во множестве расплодились после Великого Разделения. Жители Нового Запада в основном придерживались исконных религий, но все большее число людей поклонялось новым богиням – Судьбам. Повсюду возникали их храмы, украшенные надвратными образами трех небожительниц: каждая держала нить и на ней – глобус.

Другим течением был западный нумизм, утверждавший, что все сущее, как материальное, так и бесплотное, – своего рода валюта, которую можно покупать, продавать, обменивать и закладывать, торгуясь с высшими силами. Софии как-то раз попался на глаза гроссбух нумиста – а все благодаря неустрашимой Дороти, стащившей из стола одного учителя в школе личную Книгу деяний и долгов. Она сплошь состояла из расчетов – очень точных и, по мнению Софии, довольно жутких. Одна запись часто ей вспоминалась в минуты задумчивости. «Грезы о прошлогодней поездке к морю с А. – двадцать одна минута. Оплатить двадцатью одной минутой работы по дому...»

Как считали некоторые, образ жизни нумистов был исключительно продуктивным. Софию он приводил в ужас.

Нигилизмийцы же полагали, что истинный мир погиб во время Разделения, а людям подсунили пустышку. С ума сойти! Были, оказывается, те, кому исчезнувшая вселенная казалась реальнее существующей!

– Нигилизмийцы уверены: когда Карта Всех Карт покажет настоящее положение вещей, это будет совсем не тот мир, в котором мы живем, – сказал Шадрок. – Лично у меня в голове такое не укладывается.

София задумалась над его словами, Шадрок же безоговорочным тоном вынес окончательный вердикт:

– Опасно такие мифы на веру принимать.

По мере того как продвигалась ее учеба, София время от времени подходила к стенной карте с россыпью синих и зеленых булавок. Вот путь, который ее родители так и не прошли. А вот места, где их якобы видели... Дядя рассказал ей все, что ему было известно. Один исследователь из Вермонта утверждал, будто продавал им съестное где-то в глуши Доисторических Снегов. Путешественник из Филадельфии беседовал в Папских государствах с уличным продавцом, который своими глазами видел чету молодых искателей приключений, и они были одеты по-западному. А университетский картолог разговаривал с моряком, будто бы плававшим с ними по Объединенным Индиям на одном корабле. Сплошь короткие встречи, случайные, ничего не значившие, без начала и конца... Шадрок тем не менее пометил все до единой.

Когда София задумывалась о конечной цели своих занятий, ее начинало снедать жуткое нетерпение. Душа рвалась на части. Хотелось немедленно в путь – отслеживать цепочку зеленых булавочных головок, куда бы та ни вела. Приходилось строго напоминать себе, что приобретение запаса знаний, необходимого для поездки, было сейчас самой значимой и важной задачей. Любое мгновение любого урока могло впоследствии оказаться решающим.

«Шаг за шагом! – указывая на стенную карту, подбадривал племянницу Шадрок. – Я сам был бы рад попридержать наши усилия, София, только времени остается все меньше».

Пока она училась уверенно работать с картами, Шадрок разрывался между подвальной комнатой и своим кабинетом на первом этаже. Он успешно добыл для миссис Клэй поддельные документы и жизнечасы, но эта победа оказалась каплей в море. Со всех концов Нового Запада в дом тридцать четыре по улице Ист-Эндинг прибывали отчаявшиеся люди, друзья Шадрок, и каждому требовались карты и путеводители по иным эпохам. Путешественники, напуганные решением парламента, перелетными стаями устремлялись за границу. Шадрок был до того занят, что времени отвечать еще и на вопросы Софии у него попросту не оставалось.

Она, со своей стороны, так увлеклась новым занятием, что не замечала мелькания дней. Какие там часы или минуты! Чтение карт целиком поглотило девочку, да и что могло оторвать ее от дела? Да, стояло лето; все нормальные школьники купались, бездельничали и гуляли с друзьями. Однако после отъезда Дороти в Нью-Йорк некому было стучать в дверь и вытаскивать Софию из дому.

Под конец недели Шадрок спустился в подвал после долгого собеседования с путешественником, отбывавшим в России. Вид племянницы, горбившейся над кожаной столешницей, вызвал у него озабоченность. Ее светло-русые волосы, против обыкновения, были растрепаны, летнее платье помялось, лицо побледнело от недосыпания. Не ребенок, а заработавшийся офисный клерк!

София между тем даже не заметила пристального взгляда Шадрок. Она трудилась

над загадкой, которую подкинуло ей сравнение двух карт. Обе отображали один и тот же остров: та же форма, то же расположение. Однако на одной карте значилось «Объединенные Индии», на другой – «Терра инкогнита». Различались и эпохи.

На первой девочка обнаружила мощный дворик, где слышался звук колокола; сквозь чужое воспоминание, негромко беседуя, прошептали две монахини; в воздухе витал запах моря. На второй кругом были только камни и снег – и никаких признаков жизни. Единственная зацепка состояла в том, что карта «Терра инкогнита» была сделана позже. Через десять лет после «Индий».

«Что произошло? – раздумывала девочка. – Каким образом за такое короткое время все могло настолько сильно измениться?»

Она подробнейшим образом изучала «Терру», ища хоть какие-нибудь намеки на событие, превратившее остров в ледяную пустыню.

– София! – раздался голос Шадрака.

– Да?.. – София вздрогнула и подняла голову.

– Ты тут, в подвале, решила поселиться, – сказал он. – Совсем бледная стала. Я знаю, дел у нас невпроворот, но ты себя просто заживо похоронила. От такой жизни у тебя и руки, и ноги ослабнут!

– Ну и пускай, – ответила она безразлично. – Дядя Шадрак, а на востоке Объединенных Индий ничего в последнее время не происходило? Тут что-то непонятное. Вот две карты, место вроде одно, только на более ранней – монастырь, а на другой...

– Я решил, что кто-то спутал обозначения, – безапелляционно заявил Шадрак. – Вернемся к этому позже, а сейчас поди-ка погуляй. Проветри головку.

– И вовсе ничего тут не спутано, – уперлась София. – Место одно, а на деле – ничего общего. Я знаешь о чем подумала? Письмо, что прислал Касаветти, еще у тебя? Может быть, там...

– София! – Шадрак подошел и с силой отодвинул ее стул от стола. – Твой энтузиазм достоин всяческих похвал, но куда мы сможем добраться, если ты рюкзак поднять не сумеешь и вообще свалишься через десять шагов? Вот что, давай-ка договоримся! Шесть дней в неделю ты у нас будешь картологом-полевиком и один день – кабинетным ученым!

– На улице такая жара... – заворчала София.

– Ты-то почему знаешь? Ты сегодня даже не выходила! Послушай-ка, что скажу. Я сам в четырех стенах сижу как проклятый, пытаюсь все дела переделать! В итоге, когда придет наш день, мы уедем совершенно неподготовленными. Я тебе список дам, чтобы ты пока припасы для нас собирала.

В такой перспективе путешествие вдруг стало казаться чем-то вполне реальным. У Софии сердце застучало быстрее.

– Отличная идея, – сказала она.

– Рад, что ты одобряешь, – хмыкнул Шадрак. – Ладно, думаю, закупки стоит делать в магазине Хардинга на территории порта. Недалеко от того места, куда ты однажды случайно заехала...

– Я знаю, где это, – кивнула София.

– Тогда к делу. Мой старый рюкзак еще послужит мне, а у тебя рюкзака нет. Только не покупай слишком большой – пусть подберут тебе по размеру. Также необходимы тубусы для карт. Мои походные развалились, я так долго ими не пользовался... Возьмешь два. И обязательно присмотри водонепроницаемый чехольчик для жизненных часов. – Он задумался

и кивнул. – Для начала достаточно. В магазине у меня есть кредит, пусть запишут... Все понятно?

– Рюкзак, тубусы, футлярчик, – повторила София. – Запомнила.

Покинув потайную комнату, она поднялась по лестнице. Ей бросилось в глаза, что за несколько дней, которые она безвылазно просидела в подвале, всюду воцарился полнейший беспорядок. Миссис Клэй старалась вовсю, но где ей было угнаться за энергичной деятельностью Шадрака! У себя в спальне София присела переобуться и вдруг заметила рисованный ежедневник.

Некая мысль заставила ее пролистнуть страницы назад, возвращаясь к четырнадцатому июня. Это было накануне ухода в подвал – в тот день она слушала прения в парламенте. Вот и рисунок, изображающий юного воина в клетке...

«Что-то с ним теперь стало, – подумала девочка, разглядывая нарисованные прутья. – Может, так там и торчит. Вдруг я его снова увижу...»

Она обрадовалась непонятно чему, но следом явилась отрезвляющая мысль: «А его когда-нибудь выпускают из этой ужасной клетки? Неужели он в ней и ест, и спит... и вообще... Нечего ему там делать! – сделала закономерный вывод София и очень воодушевилась. – Ни единой секундочки!»

Почему-то разволновавшись, она завязала шнурки и побежала вниз. Дело шло к обеду. София завернула в салфетку кусок хлеба с маслом и сунула в карман передничка.

– Пока, дядя! – крикнула она в сторону кабинета и выскочила на улицу.

21 июня 1891 года, 11 часов 57 минут: за припасами

Жара немного спала, температура опустилась до девяноста с чем-то по Фаренгейту. Будь это обычное лето, весь город сейчас прохлаждался бы на песчаных пляжах Кейп-Кода. Однако ввиду сроков, установленных парламентом для Нового Запада, в Бостоне царил лихорадочная деловая активность. Газеты каждый день разражались филиппиками, направленными против чужестранцев. В ответ сыпались яростные протесты.

Пересекая город в вагоне трамвая, София то и дело замечала группы людей, двигавшихся к зданию парламента. Когда трамвай подъехал поближе, у Софии округлились глаза. Тучи полицейских, сотенная толпа, крики, плакаты... Шадрак предупреждал ее о круглосуточных полицейских патрулях, проверявших документы у каждого встречного; всех нарушителей порядка препровождали на выезд за пределы Нового Запада.

Трамвай ненадолго остановился у общественных лугов, на некотором удалении от парламентского здания, и покатил прочь, чтобы вскоре нырнуть в тоннель, выходящий в район порта. София все больше нервничала, думая о том, что вот-вот снова увидит мальчика в перьях. «Может, мне сначала в магазин зайти за покупками? Но как клетку открою, увешанная тубусами и рюкзаком? Нет уж, сперва к цирку...»

Трамвай выехал из тоннеля, вагоновожатый объявил остановку «Порт». София вышла, подрагивая от возбуждения, и завертела головой в поисках пакгауза, где прежде располагался цирк.

Суета на причалах была такая, что демонстрация у парламента по сравнению с ней выглядела жалко. Толпы народа – целеустремленные путешественники, суетливые торговцы, заплаканные изгнанники – тянулись мощеными улицами к стоящим на погрузке судам. Туда и сюда с бдительным видом прохаживались полицейские. Они держали наготове дубинки,

заглядывали в бумаги, следили за очередностью. А какое количество кораблей скопилось у причалов и на рейде! Все, что могло плавать в море и возить пассажиров, было пригнано сюда в надежде на заработок. София испытала настоящий ужас, услышав, как некий шкипер торговался с исследователем, заламывая несусветную цену за проезд в Сокровенные империи.

Увидев наконец облезлый пакгауз, София кое-как выбралась из толпы и поспешила в ту сторону. Ну конечно же, вывеска Эпохального цирка Эрлаха никуда со своего места не делась. Однако кое-что изменилось. Двери пакгауза были закрыты, очередь перед ними не стояла. Ни коротышки, ни билетерши, ни паренька в клетке.

Некоторое время София в сомнении переминалась с ноги на ногу, задумчиво разглядывая прохожих. Потом подошла к двери и наудачу подергала ее. Похоже, та была чем-то подперта с другой стороны. София толкнула сильнее, и дверь подалась.

– Ох, только не это, – вырвалось у девочки.

Обширный пакгауз был пуст. Совершенно. Куча сена, какие-то обломки, сети на земляном полу... София стояла у входа, всматриваясь в полутьму, и опять вспоминала пернатого паренька. Его спокойное достоинство и ту легкость, с которой он отбил трость коротышки... Куда он делся? Может, сейчас его перевозили куда-то в другое место и он все сидел в своей клетке, навсегда в нее заточенный, лишь поблекло надменное лицо да глаза утратили живость...

София вышла наружу и прикрыла за собой дверь.

– Простите, пожалуйста, – обратилась она к пожилому мужчине, тащившему увесистый чемодан. – А что, цирк уехал?

– Так точно, мисс, – ответил тот, воспользовавшись случаем перевести дух. – Как раз нынче утром паковали вещи.

– А я думала, они до четвертого июля здесь будут.

– Опять в точку, мисс. Только Эрлах захотел провести оставшиеся недели в Нью-Йорке: там, дескать, люди делом занимаются, вместо того чтобы вокруг парламента бушевать!

– Ясно, – сказала София. – Значит, не повезло.

– Всем нам здорово не повезло, – ответил старик, взваливая на плечо чемодан. – Уж простите, мисс.

София осталась стоять на месте, разглядывая вывеску и пытаясь отделаться от накотившего разочарования.

«Надо было раньше додуматься, – укоряла она себя. – Я и не заметила, как дни пролетели...»

Ее в который раз охватило знакомое чувство беспомощности, но следовало признать, что в данном случае поломка внутреннего хронометра была ни при чем. София проявила самое банальное легкомыслие. Она просто на неделю забыла про паренька. А в итоге шанс помочь ему оказался упущен.

Глянув на часы, София обнаружила, что впустую растратила целый час, и сурово напомнила себе о невыполненном задании дяди. Повернулась и целеустремленно зашагала к магазину Хардинга. Тот был расположен поблизости и работал вовсю: распашные двери попросту не закрывались – отъезжающие заскакивали туда, в последний момент покупая в дорогу необходимое. Стараясь нагнать упущенное время, София торопливо пробежалась по отделам, прицениваясь к непромокаемым рюкзакам, снегоступам, складным шляпам и шелковым простыням, умещавшимся в карманного размера сумочки, флягам для питья

и полевым биноклям.

Вскоре она вышла из магазина с рюкзачком из плотной красно-коричневой ткани, двумя водонепроницаемыми тубусами для карт и чехольчиком для часов, сшитым из промасленной кожи.

15 часов 09 минут: прибытие домой

Домой София направилась в четвертом часу пополудни. Летнее солнце еще высоко светило в небе. Сворачивая на свою улицу, девочка вдруг подумала, что неплохо бы выкроить время для решения задачки, над которой она билась утром. Вряд ли дядя Шадрак будет возражать, ведь она выполнила его приказ – выбралась из подвала, начала делать покупки...

Тут она с удивлением увидела, что боковая дверь их дома распахнута настежь. Приблизившись, девочка заметила нечто еще более странное: перо. Длинное и зеленое. София подобрала его и начала рассматривать.

– Вот это да, – пробормотала она.

На пороге дома ей стало ясно: случилось что-то из ряда вон выходящее.

Внутри все было вверх дном. Здесь явно потрудилась какая-то разрушительная сила. На кухонном полу раскиданная еда смешалась с осколками посуды. Ковры в коридоре собраны мятой гармошкой, в плите – горелая бумага, оставшаяся от документов и карт. Прежде во всех комнатах в рамках под стеклом висели карты; кто-то сбил их, оставив голые стены. Некоторые половицы были выломаны и стояли дыбом. А с внутренней стороны порога лежало еще одно длинное перо. Красное. София замерла на месте, оглядывая разгром и постепенно леденея от ужаса. Потом выронила зеленое перо, стряхнула с плеча новенький рюкзачок и бросилась в кабинет, крича на весь дом:

– Дядя Шадрак! Дядя Шадрак!..

Но в кабинете его не было. Лишь карты валялись повсюду – большей частью разорванные. На полу – беспорядочные кучи книг, сброшенных с полок. София поискала глазами потайную дверь и окончательно поняла: все пропало. Она была широко раскрыта.

– Дядя Шадрак!.. – срывающимся голосом крикнула девочка еще раз.

Ответа не последовало. София стала медленно спускаться по лестнице. Деревянные ступени поскрипывали под ногами.

Она вошла в комнату, и перед нею предстал полнейший хаос.

Стеклянную горку разбили вдребезги, ее содержимое бесследно исчезло. Вывернутые ящики конторок были пусты. И вновь – груды книг, выброшенных из шкафов. Ящики, где прежде хранились бумажные карты, тоже зияли пустотой. София молча оглядывалась. Она больше не звала дядю. Каждый предмет в комнате, имевший отношение к картам, то есть, по сути, все, что в ней находилось, было либо уничтожено, либо украдено. Под ногой хрустнули осколки стеклянной карты Шадрака. София непонимающе уставилась на них. Кожаную столешницу украшал неровный длинный порез. София тронула его рукой, словно не веря своим глазам. И, подняв наконец голову, посмотрела на дальнюю стену, где прежде висела карта последней экспедиции родителей. Ее разорвали пополам – ровно надвое, от угла до угла. Цветные булавки валялись на креслах и ковре. София тупо смотрела на них, а в голове билась только одна мысль: «Где он? Где Шадрак? Что с ним случилось?..»

Потом из противоположного конца комнаты послышался звук. София вздрогнула, но не закричала, не бросилась прочь, даже не сдвинулась с места, лишь сердце бешено

заколотилось в груди. Она заставила себя медленно-медленно повернуться в сторону лестницы.

Нигде ничего. Это был всего лишь шорох, но он ей не померещился. Она даже поняла, откуда он исходил. Из добротного платяного шкафа под ступенями.

София на цыпочках прошла по ковру, обходя осколки, и подхватила по дороге увесистую ножку сломанного стула. Стиснув свое орудие обеими руками, девочка приблизилась к лестнице. У ее подножия она остановилась и прислушалась, но различила лишь биение крови в ушах. Молча постояла перед шкафом... Потянулась к латунной ручке и одним движением распахнула дверцу.

«Перья!» – пронеслось у нее в голове за миг до того, как рванувшееся наружу существо сбilo ее с ног.

В следующее мгновение София лежала на полу, разглядывая потолок. Потом на его фоне возникло лицо. Довольно странное лицо, обрамленное перьями, словно росшими прямо из кожи.

На нее смотрел мальчишка из Эпохального цирка Эрлаха.

7. Между страниц

21 июня 1891 года, 15 часов 52 минуты

Задумаемся: нам доподлинно не известно, случилось ли Великое Разделение вследствие деятельности человечества и какая эпоха в данном случае несет за это ответственность. Слишком многие периоды истории плохо исследованы: они не обозначены на картах, с ними нет связи. Что касается эпох более или менее разведанных, все они в первые годы после Разделения были ввергнуты в хаос. Всюду царили непонимание происходящего, чувство внезапной обособленности и, конечно, насилие. Спросим себя: кто добровольно пошел бы на такое?

Шадрак Элли. История Нового мира

– Эй! – подал голос мальчишка. – С тобой все в порядке?

София моргнула.

– Прости, что сшиб, – сказал он. – Так ты цела? Скажи что-нибудь!

София приподнялась на локте.

– Ага, – пробормотала она. – Все хорошо. – Она смотрела на паренька, сидевшего против нее на ковре. – Ты зачем в шкаф залез?

– Я там спрятался. А ты-то где была?

– Вот только пришла. По делам ходила...

Теперь, когда напряжение начало отпускать, страх накрыл ее волной холодного озноба. Мальчишка протянул руку, желая помочь, но София отшатнулась.

– Да ладно. Я тебя не трону. – Он говорил тихо, плотая окончания слов, что выдавало в нем уроженца северо-западных Пустошей. – И вообще все это не я натворил...

– А кто тогда? – София поднялась на ноги. – Что здесь вообще произошло? И где Шадрак?

Мальчик как-то странно посмотрел на нее:

– Он твой отец?

София покачала головой. Челюсть прыгала так, что зубы стучали.

– Он мой дядя. Где он? – спросила она и вновь оглядела комнату. – Надо наверху поискать...

– Нет. погоди, – произнес парнишка, вытянул руку, загораживая ей путь, и тихо добавил: – Не ходи, не надо. Там его все равно нет.

– Но куда он подевался?

– Не знаю. Не знаю, где он сейчас.

– Но ты видел его?

– Да, видел. – Он медленно кивнул и посмотрел на Софию изучающим взглядом, соображая, что ей сказать. – Ты здесь живешь? В смысле, у Шадрака Элли?

Дядино имя странно звучало в его устах... София нетерпеливо кивнула:

– Да, да, я здесь живу! Говорю же – я его племянница! Может, объяснишь наконец,

что стряслось?

Парнишка помедлил.

– Жаль, но придется тебе рассказать... Твой дядя пропал.

У Софии разом подевался куда-то весь воздух из легких, она задохнулась. Услышанное потрясло ее... и в то же время показалось давно известным. Она вдруг поняла, что помимо воли постоянно ждала этого, – люди, которых она любила больше всего, были обречены исчезать один за другим.

– Я пришел сюда, чтобы найти его, – продолжал парнишка. – Смотрю, дверь открыта, внутри слышен гвалт, а что именно происходит, поди пойми... – Он помолчал. – Я залез в кусты и стал ждать. Спустя примерно полчаса какие-то типы вывели твоего дядю из дома... – Рассказывая, он внимательно следил за реакцией Софии. – Их было пятеро. Они запихнули твоего дядю в экипаж, погрузили какие-то ящики и уехали. Тогда я забрался внутрь. Потом услышал, как ты кричишь наверху, и спрятался. Решил, это они вернулись... – И добавил, отводя взгляд: – Мне очень жаль, правда.

– А эти типы, – спросила София, – кто они? Ну, на кого похожи?

– Да кто их разберет. Обыкновенные. Жулики, наверное... – Он нахмурился. – Разве что у некоторых были такие... – он коснулся пальцем лица, – вроде как шрамы.

София проглотила застрявший в горле комок.

– Он... как он выглядел? – сделав над собой усилие, проговорила она. – Дядя Шадрак? Они ничего с ним не сделали?

– Был жив и здоров, – ответил паренек. – Отбивался и что-то говорил им. Он был здорово зол, но раненым не казался.

София поняла, что вот-вот разревется, и отвернулась.

– Мне надо побыть одной, – прошептала она.

– Правда жаль, что все так получилось, – сказал парнишка. – Ладно, я наверху подожду.

Его шаги прошуршали по лестнице. Дверь закрылась, и София перестала думать о нем. Все мысли были только о Шадрке и о его таинственном исчезновении. Горло стиснула мучительная судорога, постепенно разрешившаяся слезами.

Она не могла взять в толк, что же произошло. Как мог Шадрак просто так взять и исчезнуть? Еще утром она сидела рядом с ним в этой самой комнате, изучала карту... и вот кто-то разнес комнату вдребезги, Шадрак пропал неизвестно куда, и София осталась одна. Совершенно одна...

Она плакала, пока у нее не заболела голова. Потом неподвижно сидела на ковре, лишившись сил и обмякнув. В висках стучало, хотелось пить, а в душе воцарилась жуткая пустота.

«Я опять не уследила за временем, – думала она. – Если бы на причале я не замешкалась, то вернулась бы раньше. Мы теперь были бы вместе. Ни он, ни я не страдали бы поодиночке».

Минуло всего несколько минут, но время кругом Софии простиралось в пустынную бесконечность.

«Где он теперь? Где угодно. Может, его ранили или побили...»

Эта мысль билась и металась у нее в голове, причиняя новую боль.

Потом тишину нарушил звук наверху, и София с горем пополам вернулась к реальности. Утеревшись, она перевела дух и встала с ковра. Смотреть, во что превратилась недавно прекрасная комната, было невозможно. Старательно глядя под ноги, София поднялась

по лестнице. Очутившись наконец в библиотеке, девочка закрыла за собой дверь.

Паренек сидел на корточках и рылся в обрывках карт на полу. При виде Софии он оставил свое занятие и поднял глаза.

– Привет, – сказал он. – Так ты в порядке?

– Да. Спасибо, что спросил.

Он кивнул и посмотрел туда же, куда и она, – на раскиданные бумаги.

– Я тут карту искал. Думал, может, карта Нового Запада попадет. Не знаешь, у твоего дяди такая была? Здесь столько всего...

– Была, – ответила София, а мысли еле ворочались у нее в голове. – Я тебе помогу найти. Только не сейчас... попозже...

– Ладно, – кивнул он.

Паренек встал и зачем-то принялся поправлять мятые перья вокруг пояса. Несколько мгновений они с Софией молча смотрели друг на дружку. Наконец он сказал:

– Меня Тео зовут.

– А я София, – ответила она.

– София... Вообще-то, я пришел к твоему дяде, надеюсь, что он сумеет мне помочь. В гавани о нем говорили. Живет, мол, в Бостоне такой знаменитый картолог. Я и решил – вдруг он поможет мне добраться домой? Я ведь родом издалека.

– Знаю, – негромко произнесла она. – Ты дикий мальчик из Пустошей.

Некоторое время Тео изумленно молчал. Потом уголок его рта пополз вверх.

– Точно, – сказал он. – Смотри-ка, запомнила!

– Еще бы, не запомнить такого расфуфыренного...

– Да, – рассмеялся Тео. – Пожалуй. – Оглядел себя, потом поднял глаза. – Я удрал нынче утром. Когда цирк уезжал.

– Удрал?

– Ну да.

София не знала, что еще сказать ему. Голова решительно отказывалась работать. Сбежал, ну и что? Какое это имело значение?

– София, – сказал Тео, – нам обоим надо сообразить, что делать дальше. Мне бы... Знаешь, мне бы переодеться...

– погоди, значит, ты обычно такое не носишь? – моргнула она.

Тео помолчал.

– Нет, конечно, – буркнул он наконец. – Это Эрлах, идиот, ради шоу меня так нарядил.

– С ума сойти, – пробормотала София.

– Я бы вымылся, если можно, – попросил Тео. – С мылом. А растворителя какого-нибудь не найдется? Эти перья приклеены медом и смолой – повеситься легче, чем отскрести. Ну и одежду бы мне...

– Я поищу, – кивнула София.

Лучше уж думать о нужных вещах, чем о пропавшем Шадраке. Заодно и в доме хоть немного прибраться... Растворитель хранился в кладовке при кухне, там же нашлась и чистая ветошь. София ходила по разоренным комнатам, перешагивая через осколки битой посуды, клочья рваной бумаги, переломанную мебель. Дом казался чужим. Думать о нем таким образом было почему-то легче.

– Можешь воспользоваться ванной Шадрака, – поднимаясь по лестнице, сказала она.

Тео шел следом, из его наряда сыпались перья.

Как ни странно, третий этаж выглядел нетронутым. Либо те жулики наши, что искали, либо решили, что в спальнях наверху не могло быть ничего ценного.

– Думается, кое-что из дядиной одежды может тебе подойти, – рассуждала София. – Разве что будет великовато.

В гардеробе Шадрака в самом деле нашлись рубашка, брюки, ремень. С обувью оказалось сложнее: башмаки были безнадежно велики Тео. София отдала ему одежду, тряпки и растворитель и указала, где ванная.

– Спасибо, – поблагодарил он и вдруг остановился на месте. – Ты же никуда не уйдешь?

София непонимающе смотрела на него.

– Я к тому, – пояснил он, – что не помешало бы мне найти спокойное местечко... всего на одну ночь...

Девочка наконец поняла, о чем он говорил.

– Оставайся, – кивнула она.

– Спасибо. Я тебе премного обязан! – И он, привычным движением щелкнув пальцами, изобразил наставленный пистолет. – Если бы еще карту... ну, раз можно... я прямо завтра ушел бы восвоеси и не надоедал тебе больше.

Дверь за ним закрылась. Вскоре в ванной зашумела вода.

София стояла в спальне Шадрака. Здесь все было по-прежнему, и горе накатило с новой силой. Кожаное кресло, книги на столике, груды карт... дядя будто только что вышел и должен был вот-вот возвратиться. На голубом ковре – вытоптанная дорожка от двери к секретеру красного дерева... Он, кстати, был отперт, дверцы открыты. София подошла, чувствуя странное волнение. Шадрак, помнится, никогда его нараспашку не оставлял...

Чернильная клякса на промокашке, раскрытый дневник. Никакого сомнения: Шадрака захватили врасплох, когда он сидел здесь и писал. София заметила на странице свое имя.

Никак не могу решить, что рассказывать Софии, а о чем лучше промолчать. Она должна вполне представлять себе опасности, с которыми мы можем столкнуться, но грань между трезвым пониманием и излишним запугиванием достаточно тонкая. Отправив ее за покупками в дорогу, я посетил Карлтона в госпитале. Его состояние ужаснуло меня... Газетчики не упомянули о жутких ранах на его теле и лице. По всей вероятности, их попросили об этом в интересах полицейского расследования. Мой бедный друг не узнал меня. Он никого не узнает, и я сомневаюсь, что эта способность когда-либо вернется к нему. Сейчас Карлтон беспомощен, как дитя. Он лишь время от времени издает бессвязные звуки, и, по-видимому, перевязки причиняют ему боль, но во всех прочих смыслах окружающий мир для него как будто не существует. Лично мне представляется маловероятным, чтобы подобное явилось следствием обыкновенного нападения. Начинаю подозревать, что кто-то...

На этом запись обрывалась. София так и отшатнулась, потрясенная картиной, которая рисовалась за строками дневника. Что заподозрил Шадрак? Мог он там, в больнице у Карлтона, увидеть то, что ввергло в опасность его самого?..

Исписанные страницы не содержали никакого обращения к ней (а она-то надеялась!), никакого намека – лишь зловещую загадку, напугавшую девочку больше прежнего. Глаза вновь наполнились слезами. Понадобилось несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы

успокоиться.

Кресло Шадрака, где он обычно час-другой читал перед сном, еще хранило отпечаток его тела. София подошла и забралась в кожаные подушки. Пахло кедром, сосной, бумагой. Запах Шадрака... Что, если она больше не увидит своего дядю читающим в этом кресле?..

Помимо воли София представила себе эту комнату через год, через пять лет, через десять... Наверное, она будет выглядеть примерно так же, как родительская спальня дальше по коридору: обои на стенах поблекнут, книги покоробятся от влажного летнего воздуха, одежда и обувь будто съжаты от старости.

Как ни гнала она эту мысль, воображение упорно рисовало кабинет Шадрака во всей мерзости запустения. Время вновь потекло медленно-медленно, София успела обдумать долгое будущее без дяди... без родителей... совершенно одинокое.

Спасаясь от беспросветности, девочка свернулась в кресле клубком, обхватила руками колени...

И тут что-то твердое уперлось ей в бок. Сначала она не обращала на это внимания, но предмет, торчавший из-под подушки, болезненно врезался в ребра. София сунула туда руку и вытащила один из своих старых альбомов для рисования.

«Как он здесь оказался? В дядином кресле?..» – туповато удивилась она. Потом ей показалось странным, что альбом слишком увесист. Она распутала кожаные завязки, стягивавшие углы. Он раскрылся, и девочка увидела что-то вроде записки. Она была очень короткой, но почерк Шадрака сомнению не подлежал.

София, найди Верессу. Возьми мой атлас. Люблю тебя. Ш. Э.

Под листком была карта. Стеклянная.

София недоуменно разглядывала то и другое. Стало быть, Шадрак все-таки оставил ей послание! И здорово придумал, куда спрятать его! Между толстых страниц ее собственного альбома! И не сломается, и не найдут... София с нежностью коснулась пальцами строк, написанных рукой дяди. При всей безотлагательности распоряжения от него не веяло отчаянием или страхом. Шадрак не приказывал ей ни прятаться, ни убежать. София ощутила не то чтобы облегчение – скорее вернувшуюся решимость. Ей вспомнилось сказанное Шадраком при совсем иных обстоятельствах: «Тебе, София, необходимо действовать...»

Ну так вот оно, настоящее дело. Надо взять атлас Шадрака и разыскать эту самую Верессу. Где – София понятия не имела. Но как знать – быть может, если отыщется Вересса, объявится и сам Шадрак!

София вскочила на ноги. Сперва нужно прочесть стеклянную карту. Гаснувший дневной свет за окном был плохим помощником. Она поспешила к ближайшей лампе и поднесла к ней пластину. Никакого эффекта. А еще на ней не было маркировки, да и выглядела она совершенно прозрачной. София даже спросила себя, не простая ли это стекляшка, и решила: нет, невозможно! Стал бы Шадрак оставлять ей стеклянную пластинку, не будь она картой! Она поднесла ее ближе к свету и взгляделась внимательнее. Ну конечно – в нижнем левом углу красовался знакомый значок: горный хребет на линейке. Вот только карта упорно отказывалась просыпаться. Прикусив губу, София бережно убрала пластину на место, спрятав между страницами альбома. Ничего, пускай подождет. Еще дядин атлас надо найти.

Схватив альбом, София бросилась обратно в библиотеку. Перевела дух, положила альбом на диван, опустилась на колени. Она хорошо знала, как выглядел атлас. Такой большой и широкий, что ни с каким другим томом не перепутаешь. Сгорая от нетерпения, София принялась рыться в кучах раскиданных книг, высматривая переплет винно-красного цвета... Потом ей пришло в голову, что искать станет проще, если водворить сброшенные книги обратно на полки.

Этим она и занялась, начав с ближайшего шкафа. Из-под завала постепенно стал появляться знакомый серо-белый узор ковра. Полки заполнялись одна за другой, но атласа нигде не было видно. Книги валялись там и сям, иные были разорваны... София старалась работать быстро, но аккуратно. Она трудилась уже над пятой полкой, когда раздали шаги. Девочка подняла глаза: в дверях стоял Тео.

Правду сказать, она его еле узнала. Без наряда из перьев он выглядел таким... обыкновенным. Темно-русые, отросшие чуть ниже ушей волосы, подбородок с ямочкой... Одежда Шадрака придавала ему взрослый вид. Прежде София думала, что парню лет четырнадцать, но теперь засомневалась. Пожалуй, пятнадцать, а то и вовсе шестнадцать! У него даже осанка изменилась. София обратила внимание на его руку, которой он держался за косяк, – в глубоких шрамах, словно от ранений многолетней давности. Однако и помимо перьев было кое-что, отличавшее его от сверстников Нового Запада.

Ребята-школьники ее возраста бывали милыми и вежливыми, безобидными, а то и непредсказуемо жестокими – смотря у кого какой характер. Особо выдающихся, а значит интересных среди них не было. Мальчишки постарше, которых она встречала в театре или на спортивных мероприятиях, обладали примерно теми же качествами, только в более развитом виде. Вежливость, безобидность или жестокость у них были намеренными. Вот тут Тео от них разительно отличался. Ему сопутствовала спокойная властность, подмеченная Софией еще в цирке.

Девочка покраснела, сообразив, что снова потеряла счет времени. Как знать, долго ли она пялилась на него?

Карие глаза заискрились весельем.

– Уборку затеяла?

София покраснела гуще:

– Нет, не уборку. Мне просто надо кое-что найти... я и подумала, что так будет проще всего. – Она поднялась на ноги. – Смотри-ка, что я отыскала!

К своим тринадцати годам она еще не успела уяснить, что чужие люди, вместе угодившие в отчаянный переплет, удивительным образом сближаются. Потрясение, общая опасность – и незнакомец превращается в союзника. Да и какой он после этого чужак? Просто человек, пытающийся отвести угрозу и выжить. Еще немного – и он начинает нравиться, становится интересен... В общем, входит в твою жизнь и занимает в ней место, словно так и надо.

Для Софии, лишенной внутреннего хронометра, это было справедливо вдвойне: краткость времени, проведенного вместе, для нее значения не имела. Тео перестал быть для нее чужим, она видела в нем друга, неожиданного, но тем более интересного. Спроси ее кто-нибудь прямо сейчас, с какой стати она прониклась к нему подобным доверием, София затруднилась бы с ответом. Впрочем, такой вопрос ей и в голову не приходил. Тео ей просто понравился – и вообще девочке требовался кто-то, кому можно довериться. Этого было достаточно.

Открыв блокнот, она показала ему записку и стекло:

– Это...

– Карта, – сказал Тео и осторожно поднял пластину покрытой шрамами правой рукой. –

Так я и думал!

И повернул стекло к свету, в точности как делала София прежде него.

Она с недоумением следила за его действиями.

– Как ты догадался?

Тео бережно положил карту на место, словно не услышав вопроса. Потом сосредоточенно нахмурился, рассматривая записку.

– Так это, наверное, карта дороги в Верессу?

– Я тоже так решила. А еще Вересса может быть в атласе...

– Значит, ты о ней никогда раньше не слышала?

– Нет. А ты?

Тео покачал головой и окинул взглядом комнату:

– Как выглядел этот атлас?

– Большой... вот такой примерно. Толстый, темно-красного цвета.

– Ладно, давай искать, – сказал Тео и улыбнулся. – Когда отыщем, найдешь мне карту Нового Запада, хорошо?

Он устроился возле ближайшей груды книг и вместе с Софией принялся расставлять их по полкам. Сообща они разобрали кучу примерно до половины, и вдруг София бросилась в сторону, воскликнув:

– Так вот же он!

Она не узнала атлас с первого взгляда, потому что он валялся раскрытый, корешком вниз.

– Вот он, – взволнованно повторила она. – Атлас дяди Шадрака! – И принялась быстро листать. – Все в порядке, все цело.

И показала Тео обложку, на которой золотыми буквами значилось: «Атлас Нового мира, аннотированный и иллюстрированный, охватывающий доисторические эпохи и неизученные земли. Составлен Шадраком Элли».

– Ух ты! Так он сам его сделал! – произнес Тео.

Заглавие явно произвело на него впечатление.

– Ну да, – сказала София. – Самый лучший атлас, в остальных даже половины этой информации не найдешь! – Она уже открыла его на алфавитном указателе. – Вересса, Вересса... – Ее палец добрался до самого конца колонки на букву В, но безуспешно. – Вот странно, – вырвалось у нее. – Тут перечислено все, что есть в атласе.

– Ты смотришь список населенных пунктов, – заметил Тео, указывая на оглавление. – Может, это озеро, или пустыня, или лес, или еще что-нибудь такое...

– Может быть, – пробормотала София. Она заново взялась просматривать указатель, когда раздался неожиданный шум, от которого у нее сердце так и подпрыгнуло.

Кто-то стучал в боковую дверь дома – ту, что София прикрыла за собой. Они с Тео переглянулись. Несколько мгновений оба молча ждали, не двигаясь с места. Потом услышали, как дверь начала открываться.

8. Изгнание

21 июня 1891 года, 18 часов 07 минут

Граница Нового Запада с необитаемыми Доисторическими Снегами, носящими также наименование Северных, не вполне определена и никак не ограждается. Южная и западная границы, напротив, все чаще становятся предметом споров между народами Пустошей, Нового Запада и его Индейских территорий. Хотя в полной мере обустроить эти границы возможным не представляется, это ничуть не мешает местным жителям всемерно отстаивать рубежи, проведенные согласно их собственным представлениям.

Шадрак Элли. История Нового Запада

София нырнула под увесистый дубовый стол и утянула с собой Тео. Боковая дверь из библиотеки не просматривалась, но, когда пришелец появится в коридоре, они смогут увидеть его через дверной проем.

Долго ждать не пришлось.

– Спаси нас Судьбы! – воскликнул женский голос. – Мистер Элли! София!..

– Это наша экономка, – пояснила София, выползая из-под стола. – Миссис Клэй, я тут, в библиотеке!

Миссис Клэй вбежала в комнату и замерла на пороге. Глаза у нее были круглыми от ужаса.

– Что случилось? – спросила она. – Где мистер Элли?

Выражение ее лица в полной мере отражало весь масштаб увиденных разрушений.

Ответил Тео, поскольку София не нашла слов.

– Что случилось, нам неизвестно. И мистера Элли здесь нет.

Тут миссис Клэй повернулась к нему, запоздало осознавая присутствие незнакомца.

– О чем это ты? Ты вообще кто такой?

– Мистера Элли отсюда забрали несколько часов назад, – сказал Тео и обвел рукой картину разгрома. – Увели силой. – Миссис Клэй смотрела непонимающе, и он представился: – Теодор Константин Теккари. Коротко – Тео.

– Кто? – спросила она. – Кто это его силой увел?..

– Какие-то люди. Я их не очень хорошо рассмотрел. У них экипаж был. Такой... ну...

– Какой? – София повернулась к нему.

– Я только запомнил, что там сбоку нарисовано... Песочные часы, вот!

– Тоже мне, зацепка, – разочарованно протянула София.

Миссис Клэй, напротив, при упоминании о людях с экипажем испытала, казалось, странное облегчение. Она потянулась к Софии и обняла ее. Первоначального ужаса как не бывало.

– Жалость-то какая, София. Жалость какая... Как мне тебе помочь?

– Дядя Шадрак записку оставил, – сказала девочка.

– Записку!.. – воскликнула миссис Клэй. – О, это добрый знак! Что в ней говорилось?

– Он велел взять его атлас и разыскивать Верессу. – София опустила голову, глядя на книгу, которую по-прежнему прижимала к груди. – Когда вы пришли, мы как раз пытались эту Верессу в атласе найти.

На лице экономки появилось странноватое выражение.

– Как-как? Ты уверена? Он вправду написал «Вересса»?

– Ну да.

– Покажи мне, – охрипшим голосом потребовала миссис Клэй.

София положила атлас и проворно вытащила записку из альбома.

– Вот: «... найди Верессу». – И девочка с надеждой посмотрела на экономку. – Вы знаете, где это? Как, по-вашему, дядя может там оказаться?

Миссис Клэй глубоко вздохнула, словно собираясь сделать решительный шаг.

– София, все случилось настолько неожиданно, – проговорила она. – Думается, надо кое о чем тебе рассказать... – И снова огляделась кругом. – У нас что, весь дом в таком виде?

– Нет, – ответила София. – Наверх они не полезли.

– Тогда пойдем ко мне, деточка, хватит смотреть на весь этот ужас. Нам надо перекусить, и я расскажу тебе, что мне известно. Надеюсь, это поможет.

На Софию при этих словах навалилась ужасная усталость. Когда зашла речь о еде, девочка вспомнила: последнее, что она ела, – это кусочек хлеба, захваченный с собой, по пути в магазин Хардинга. Стало быть, ее трясло еще и от голода.

– Спасибо, миссис Клэй, – пробормотала она.

Было больно оставлять библиотеку в таком беспорядке, но София понимала: сейчас здесь больше ничего не исправить. Она аккуратно связала шнурки альбома и прижала его к груди вместе с дядиным атласом.

Квартирка домоправительницы на четвертом этаже всегда составляла разительный контраст с остальной частью дома. Комнаты были обставлены очень миленько и притом необычайно опрятно; хозяйка старалась впустить в незашторенные окна как можно больше света. Бледно-голубой диван в белый цветочек, собрание пустых птичьих клеток, кофейный столик, хрупкий и белый, – вот и вся обстановка гостиной. На каждой подходящей плоскости – растения в горшках, многие в цвету: фиалки, комнатные пальмы, множество разных папоротников. Пахло здесь почти как в теплице: зеленью и нагретой землей.

Но больше всего Софию поражали здешние звуки. Казалось, тут все время подавали голоса сотни крохотных колоколов. С потолка, буквально через каждый дюйм, свисали миниатюрные фигурки. Они были свиты из нитей, унизанных хрустальными, металлическими, глиняными бусинами. Маленькие шарики, колокольчики, зеркальца, цилиндры и тьма-тьмущая прочих безделушек колыхались от малейшего движения воздуха, стукались друг о друга и производили нежный звон. Фигурки выглядели почти живыми, как если бы на стропила целой стаей уселись сонные бабочки. Тео вывернул шею, замороженно разглядывая потолок.

– Не люблю тишины, – пояснила экономка. – Надеюсь, этот шум никого не беспокоит... – И жестом пригласила подростков в гостиную. – Присаживайтесь, а я кофе сварю.

София выбрала стул, уселась и принялась отгонять мысли о том, что ждало ее внизу. Скоро колокольчики возымели на нее успокаивающее действие, ради которого миссис Клэй наверняка и завела их. Пока экономка шарила в буфете и ставила на плиту кофейник, София

и Тео рассматривали колеблющиеся фигурки.

– Жаль, что Шадрак не сможет помочь тебе, Тео, – наконец сказала София.

– Нет так нет... – Он пожал плечами. – Что тут поделаешь...

– А Эрлах никого не пошлет тебя разыскивать?

– Нет, – произнес Тео и слегка усмехнулся. – Ему сейчас не до того. Раньше бы, наверно, послал, а теперь он мечтает только о том, чтобы в Нью-Йорке последнее представление закатить. Говорят, нет худа без добра, ну так вот: если границы закроют, это будет плохо, зато цирк Эрлаха погорит. А как иначе, если будет что ни номер, то нелегальщина? – Он задумался, и его улыбка погасла. – А вообще-то, нет, не погорит. Просто уедет куда-нибудь в другие места. Людям нравятся такие развлечения...

Вошла миссис Клэй и поставила на низенький деревянный столик поднос: чашки, тарелочки, темный хлеб с изюмом, масло, варенье.

– Сейчас вернусь, – сказала она.

Принесла кофейник, налила им по чашечке и наконец села. Потерла пальцами виски, поправила на затылке узел волос... Тео и София налегали на угощение. София намазала хлеб маслом и джемом и жадно откусила. Запила горячим кофе из синей фарфоровой чашки – и сразу почувствовала себя лучше.

– Боюсь, София, я должна поведать тебе кое-что не слишком приятное, – начала экономка. Она пристально смотрела в свою чашку, но что она там видела, только ей и было известно. – Мне очень больно ворошить эти воспоминания... Но Шадрак велел тебе отыскать Верессу, значит я должна рассказать тебе, почему возвращение в Пустоши для меня невозможно...

– Так вы из Пустошей? – Тео подался вперед.

Миссис Клэй посмотрела ему прямо в глаза:

– Да.

– И я тоже!

– Я так и предположила. Поэтому, думается, выслушав мою историю, ты поймешь, в каком затруднительном положении я оказалась. Однако Софии придется разъяснить все как следует. Дело в том, что здешним жителям трудновато понять, каково это – жить по ту сторону, в другой эпохе...

София забралась с ногами на бархатное кресло. Голос миссис Клэй, высокий и дрожащий, заставлял позванивать фигурки под потолком.

– К тому же мне неизвестно, много ли тебе рассказывал твой дядя, – продолжала экономка, – о том, как мы с ним познакомились посреди Пустошей.

– Он мне про академию говорил, – сообщила София. – Про то, как учился в ней год или два... давным-давно. А вы там работали. Вот, собственно, и все.

– Это правда. – Миссис Клэй вздохнула. – Много лет назад он был студентом Королевской картологической академии Нохтланда – столицы Пустошей и крупнейшего города Тройственных эпох. Ты не бывала в Пустошах, София. Не знаю даже, как объяснить тебе, на что похожа эта страна. Ты, вероятно, про нее читала и от дяди слышала.

София кивнула.

– Там много областей, и каждая состоит из нескольких эпох прошлого. Нохтланд, где я родилась, – прекраснейший город. Я так по нему порой скучаю... Какие там сады! А уж если идет дождь, то настоящий ливень, не морось какая-нибудь. Жизнь там намного спокойнее и размереннее здешней... – Миссис Клэй снова вздохнула. – И в то же время это место

ужасно. Там может произойти что угодно, нет ничего неизменного... – Она покачала головой, словно добиваясь ясности в мыслях. – Позволь, однако, рассказать эту историю с самого начала.

Я впервые встретилась с Шадраком более пятнадцати лет назад. Он приехал в картологическую академию Нохтланда совсем молодым человеком, чуть за двадцать. А я там хозяйство вела. Дом, знаешь ли, был в центре города, большой, каменный, старинный, с чудесными внутренними двориками и крытыми переходами. У меня было десять человек под началом, я всем заведовала – готовкой, стиркой, уборкой. В академии постоянно проживало человек пятьдесят – преподавателей и студентов. Не хвастаясь скажу, что со своими обязанностями я справлялась неплохо.

Миссис Клэй ностальгически улыбнулась. София улыбнулась в ответ, хотя, правду сказать, с трудом представляла себе эту робкую и немного рассеянную женщину начальницей. Да ей не совладать с одним подчиненным, не то что с десятью!

– Я уже несколько лет работала в академии, когда прибыл Шадрак, – продолжала домоправительница. – Мы, служащие, сразу поняли, что этот юноша преуспеет. Видишь ли, студенты с Нового Запада не так уж часто приезжают в Нохтланд. Преподаватели, конечно, собираются со всего мира, но учатся большей частью уроженцы Пустошей. Мы даже не были уверены, что на Новом Западе знают о нашем существовании. А вот Шадрак разведал про нашу академию и решил прослушать у нас курс... невзирая, уж ты прости меня, на некоторую отсталость своей родной эпохи.

За два года в Нохтланде он особенно сблизился с одной из студенток своей группы, молодой женщиной из Пустошей. Она обещала стать очень даровитым картологом. По завершении первого года, определившись со специализацией и начав индивидуальное обучение, они стали попросту неразлучны. Мы все были уверены, что они поженятся и уедут вместе. Либо к нему на север, либо на юг, в Кселу, где жила ее семья.

Однако все сложилось иначе... Шадрак первым завершил учебу, и к тому времени между ними как будто пробежал холодок. Никто не знал, что произошло. Ему нужно было всего-то месяцок подождать, пока у нее закончится практика, но он просто распрощался и отбыл. Знаешь, мне казалось, будто вместе с ним исчезла часть ее души... Она очень нравилась мне, я за нее беспокоилась... – Миссис Клэй помолчала и произнесла: – Это ее звали Верессой.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Из «Обращений к Господу в час нужды и бедствий» Джона Донна.